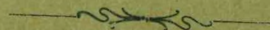
Н. М. СОКОЛОВЪ.

РУССКІЕ СВЯТЫЕ

и

РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦІЯ.

(Опытъ сравнительной характеристики).



С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 5 л., 28
1904

Имѣются въ продажѣ слѣдующія оригинальныя и переводныя произведенія того же автора:

Н. М. Соколовъ. *Стихотворенія.* Первый сборникъ. Спб. 1899 г. **1** р.

„ *Стихотворенія.* Второй сборникъ. Спб. 1904 г. **1** р. **50** к.

„ *Объ идеяхъ и идеалахъ русской интеллигенціи.* Спб. 1904 г. **2** р.

Кантъ. *Критика чистаго разума.* Спб. 1902 г., 2-е изд. **3** р. **50** к.

Кантъ. *Критика практическаго разума.* Спб. 1897 г. **1** р. **25** к.

Кантъ. *Критика способности сужденія.* Спб. 1898 г. **2** р. **50** к.

Кантъ. *Антропологія.* Спб. 1900 г. **1** р. **50** к.

Шопенгауэръ. *Міръ, какъ воля и представленіе.* Т. II. Спб. 1893 г. **4** р.

Люцій Апулей. *Золотой оселъ.* Переводъ съ латинскаго. Спб. 1895 г. **1** р. **50** к.

А. фонъ-Шаккъ. *Исторія норманновъ въ Сициліи.* Спб. 1896 г. **2** р. **50** к.

Лихтенбергъ. *Афоризмы.* Спб. 1899 г. **1** р. **50** к.

Н. М. Соколовъ. *Лирика Я. П. Полонскаго.* Спб. 1899 г. **60** к.

„ *О славѣ.* Спб. **50** к.

„ *Россія и Западъ.* Глава изъ книги *Іосифа Голечка* „Поѣздка въ Россію". Спб. **75** к.

Н. Софистъ. *Проектъ мѣръ для болѣе точнаго опредѣленія степени убѣжденности современныхъ писателей.* Спб. 1902 г. **50** к.

Н. М. Соколовъ. *Святые земли русской.* Спб. 1903 г. **30** к.

„ *Иллюзіи поэтическаго творчества. Эпосъ и лирика гр. А. К. Толстого.* Критическое изслѣдованіе. Спб. 1890 г. **2** р.

А. Манцони. *Графъ Карманьола.* Трагедія. Переводъ (въ стихахъ) съ итальянскаго. Спб. 1888 г. **1** р.

Н. М. СОКОЛОВЪ

РУССКІЕ СВЯТЫЕ

и

РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦІЯ

(Опытъ сравнительной характеристики)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 5 л., 28
1904

3305

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 4 декабря 1903 г.

I.

Дни поминовенія великихъ покойниковъ—самые великіе и самые трогательные дни въ жизни каждаго народа, для котораго многовѣковой историческій опытъ не прошелъ даромъ, который твердо знаетъ зиждущія силы въ своей жизни и въ своей исторіи.

Каждый разъ это лишній поводъ оглянуться назадъ, на пройденную дорогу, чтобы убѣдиться, что мы не сбились съ пути, что мы идемъ на встрѣчу будущему, какъ дѣти своихъ отцовъ, вѣрные лучшимъ завѣтамъ своей исторіи.

Наше образованное общество, давно отклонившееся отъ церкви, имѣетъ свои чтимыя могилы и съ примѣра церкви иногда вспоминаетъ о нихъ въ установленныя годовщины. Это прекрасный и трогательный обычай, хотя по новизнѣ дѣла интеллигенція слишкомъ наскоро составляетъ свои календари, слишкомъ случайно и произвольно справляетъ дни поминовенія.

У церкви для этого есть свой языкъ и свой чинъ, установленный вѣками и окрѣпшій въ вѣкахъ. Это плодъ зрѣлой мысли и яснаго сознанія.

23 ноября 1903 г.—день двухсотлѣтней годовщины со дня кончины перваго воронежскаго епископа святителя Митрофана. Это день особенно знаменательный въ

жизни русской церкви, ибо это святой русской земли, святой молитвами и въ молитвахъ русскаго народа.

Вотъ поводъ еще разъ припомнить тѣ великіе завѣты, которые русскіе святые оставили русскому народу своимъ словомъ и подвигомъ, своимъ житіемъ и своею молитвою.

Церковь, т.-е. весь православный церковный народъ, 23 ноября творила память о воронежскомъ святителѣ и намъ съ дѣтскихъ дней знакомъ ея возвышенный и простой языкъ въ дни ея торжества и печали.

Но этотъ знакомый и намъ языкъ не пересталъ-ли быть понятнымъ для послѣднихъ поколѣній русскаго общества, которое, уже давно „иноязычное въ языцѣ своемъ“, только иногда случайно заходитъ въ православные храмы съ такимъ-же внѣшнимъ любопытствомъ и почти равнодушнымъ удивленіемъ, съ какимъ державные квириты временъ Нерона смотрѣли на катакомбы римскихъ христіанъ? На стѣнахъ символы, полные глубокой мысли, ревниво скрываемой отъ чужихъ и непосвященныхъ, полные страстной и непоколебимой вѣры, безумной для утонченныхъ и изнѣженныхъ римскихъ эпикурейцевъ, обвѣянныхъ геніемъ эллинской красоты и пластики. Это чужой и безумный міръ для блестящаго и остроумнаго юриста, который по многовѣковому опыту отцовъ, дѣдовъ и прадѣдовъ создавалъ догмы римскаго права для язычниковъ всѣхъ временъ и народовъ.

Но времена катакомбъ—прошли. Настало время и церковь объяснила всѣ тайны и символы своей вѣры. Съ необычайнымъ подъемомъ могучаго вдохновенія и творчества она раскрыла всю полноту откровенной истины, дала отвѣтъ на каждый вопросъ, опредѣлила все, что въ жизни считается злымъ или добрымъ, и открыла передъ людьми пути достойной и праведной жизни, какъ единственные пути къ жизни вѣчной. Ни отъ кого не скрыта истина, всѣхъ призываетъ къ себѣ Христосъ и

нѣтъ тѣхъ униженныхъ и отверженныхъ, которымъ не было бы части въ общей братской молитвѣ.

Почти десять вѣковъ церковь положила на общую и дружную работу творческаго самоопредѣленія, какъ церкви христовой. Были лжеученія и заблужденія, были ереси и расколы, но основа церкви оставалась незыблемой. И клирикъ, и міранинъ одинаково имѣли право пытливо и напряженно вглядываться въ самыя глубокія и сокровенныя тайны вѣры христовой, имѣли право голоса по всѣмъ вопросамъ вѣры и церковной жизни, но это не нарушало единомыслія всего церковнаго народа, ибо самыя смѣлыя притязанія разума были согрѣты огнемъ любви ко всѣмъ братьямъ о Христѣ, ко всѣмъ христіанскимъ прежде-отшедшимъ, живымъ и грядущимъ поколѣніямъ, и эта любовь оставляла въ значеніи только личнаго мнѣнія каждое предположеніе, которое не было признано голосомъ всей церкви.

Черезъ десять вѣковъ церковь раздѣлилась,—часть ея отпала и ушла въ расколъ. Но и тамъ, на западѣ не скоро были забыты великія преданія единой соборной и апостольской церкви. Римскій расколъ зрѣлъ медленно. Разумъ, порвавшій самыя завѣтныя узы христіанскаго общенія, уже дѣлилъ, дробилъ и разъединялъ братское единомысліе о Христѣ, а сердце многихъ—простыхъ и добрыхъ—людей все еще было полно прежней любви и любовнаго снисхожденія. Нужны были вѣка, чтобы язычество старыхъ квиритовъ поставило свои жертвенники и алтари на шумныхъ рынкахъ и базарахъ западно-европейской жизни.

Торжествующее язычество—это безумная гордость нашего времени, нашихъ сѣрыхъ, скучныхъ и будничныхъ дней, когда многіе образованные люди, утративъ силу, зоркость и широту прежняго разума, обожествили всѣ новыя слова и всѣ новые пути. Поэтому языкъ церкви пересталъ быть понятнымъ для современной

интеллигенціи и она нуждается въ переводѣ его на языкъ, болѣе доступный для ея пониманія.

Повторяемъ, у церкви свои слова, свои символы и съ нею та сила молитвы, къ которой мы ничего не можемъ прибавить, отъ которой мы ничего не можемъ отнять.

Но завѣтныя тайны русской вѣры, насколько онѣ воплотились въ словѣ и подвигѣ святыхъ, имѣютъ все свое значеніе и внѣ церковной ограды,—даже для людей, которые думаютъ, будто бы они давно покончили съ церковью всѣ счеты.

Несомнѣнно, что безъ яснаго пониманія духа и первообразовъ русской святости, нельзя понять жизни и исторіи русскаго народа. Въ наши дни духа жизни ищутъ въ вертепахъ и притонахъ русскаго грѣха и русскаго паденія. Чего ищутъ, здѣсь ясно уже изъ того, гдѣ ищутъ. И когда говорятъ, что только найденное здѣсь есть подлинная правда русской жизни, даютъ только одно лишнее доказательство того, что искали только повода для лишней клеветы на русскій народъ.

Только въ завѣтахъ и подвигѣ русскихъ святыхъ открываются сокровенныя тайны не только русской святости и праведности, но и тайны всей русской жизни, тайны ея государственнаго и общественнаго уклада, тайны ея философіи и морали, тайны ея жизни и литературы, тайны ея упованій и совѣсти.

Русскія святыни и русскіе святые краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о томъ, что злой и обидной клеветой на русскій народъ были слова тѣхъ иноземныхъ и домашнихъ хулителей, которые говорили, будто бы у русскаго народа нѣтъ ничего своего, что все, чѣмъ онъ живетъ и дышетъ, пришло къ нему со стороны, что ему нечего хранить и беречь, когда западъ, какъ прежде данайцы, несетъ ему свои роковые дары. У русскаго народа есть свои святые, а въ нихъ и съ ними своя философія, своя совѣсть, свой геній, т. е. свои источники творчества.

На этой — и только на этой — сторонѣ вопроса мы хотимъ остановить вниманіе. Но и подъ этимъ угломъ зрѣнія открываются такіе необозримые горизонты, что обѣщаніе даже только намѣтить ихъ, хотя бы и въ общихъ чертахъ, на всемъ ихъ пространствѣ было бы суетнымъ и неосуществимымъ. Мы позволимъ себѣ напомнить только то, что особенно рѣдко вспоминается въ наши дни,—тѣ стороны христіанской истины, противъ которыхъ особенно враждуютъ самые блестящіе и самые передовые лжепророки нашихъ дней.

II.

Имя и духовный образъ святителя Митрофана будутъ служить намъ путеводной звѣздой къ заповѣднымъ источникамъ русской вѣры.

Намъ нѣтъ, конечно, нужды подробно напоминать о событіяхъ его земной жизни. Они извѣстны всѣмъ. И не въ этихъ случайныхъ и временныхъ чертахъ, опредѣлившихъ только внѣшнюю сторону земного существованія, тайна жизни и подвига того, кого церковь въ своихъ молитвахъ чтитъ, какъ святого.

Жажда вѣчной правды, правды не только въ словѣ, но и въ жизни, правды для всѣхъ временъ и народовъ, является единственнымъ побужденіемъ къ христіанской жизни и христіанскому подвигу. Внѣшняя оболочка жизни почти всегда бываетъ только блѣднымъ и слабымъ отраженіемъ пламеннаго духа, тоскующаго о возможной полнотѣ воплощенія Христовой правды на землѣ. Надо научиться смотрѣть сквозь эту оболочку, чтобы подмѣтить различныя формы служенія въ духѣ любви и вѣры дѣлу христіанскихъ упованій,—замѣтить оттѣнки высокаго лирическаго воодушевленія въ стремленіи къ святости и совершенству.

Полнота совершенства только въ Богѣ. Человѣкъ ищетъ только возможнаго для него совершенства и для этого борется съ искушеніями, соблазнами и грѣхомъ. Не всѣ достигаютъ полной побѣды, не всѣ идутъ къ цѣли тѣмъ же путемъ. Святые были когда-то живыми людьми, не свободными отъ человѣческихъ немощей, и почти каждый изъ нихъ по-своему дѣлалъ дѣло своего спасенія.

Внимательное и любовное созерцаніе этихъ свѣточей вѣры—дѣло тѣхъ счастливыхъ вѣковъ, когда религіозное воодушевленіе наполняетъ жизнью любви и духа умы и сердца людей. Но среди торжествующаго язычества, когда меркнутъ въ сознаніи многихъ самыя основы христіанской жизни, нужнѣе говорить объ общихъ чертахъ праведнаго подвига,—о томъ, что прежде всего влечетъ человѣческое сердце къ далекимъ вершинамъ возможной на землѣ праведности.

Одну, одну только мысль мы хотѣли бы намѣтить въ нашей работѣ и изъ житія святителя Митрофана мы возьмемъ только то, что имѣетъ отношеніе къ этой мысли. Но эта простая и ясная мысль омрачена въ вѣкахъ, сперва торжествомъ римскаго раскола, потомъ торжествомъ языческаго невѣрія.

III.

„Истинная молитва есть истинная любовь“,—проникновенно сказалъ одинъ русскій мыслитель.

Эту полноту истинной любви въ истинной молитвѣ и даетъ намъ житіе св. Митрофана.

„Аще кого чимъ прогнѣвахъ и досадихъ, или оскорбихъ коего-либо сана и чина людей,—писалъ святитель Митрофанъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи,—каковымъ-либо образомъ, яко человѣкъ, согрѣшихъ, будучи въ

достоинствѣ сего великаго начальства, смиренно прошу согрѣшеніямъ моимъ прощенія у нихъ... Слезно прошу у всея Божія церкви, и у священнаго собора, и у всего православнаго народа—молитвъ святыхъ, да помолятся о душѣ моей ко Господу Богу и Пречистѣй Дѣвѣ Богородицѣ Маріи, да сотворитъ Господь Богъ милость бѣдствуемѣй душѣ моей и проститъ согрѣшеніе мое, и сподобитъ меня царствія небеснаго... Сотворите милость, и послѣдній мой сей долгъ заплатите ко Господу Богу молитвами своими, въ душевную мою пользу, помяните душу мою грѣшную, да и сами поминовени будете отъ Господа Бога въ день праведнаго суда. Сей глаголъ мой предстанетъ предъ вами и мною на страшномъ судѣ Христовѣ. Не презрите убо моего прошенія, слезно молю и прошу послѣднія вашея любви ко мнѣ, грѣшному, не забудите меня въ молитвахъ своихъ, по апостолу: „*братія, молитеся другъ о другѣ*“.

Эта смиренная и трогательная просьба особенно знаменательна въ устахъ святителя Митрофана, у гроба котораго простой русскій народъ уже давно привыкъ искать утѣшенія въ молитвѣ. Святитель просилъ святыхъ молитвъ „у всего православнаго народа“ и православный народъ горячо откликнулся на его предсмертную просьбу.

Святитель жилъ въ суровое и неспокойное время. Татары, калмыки и донская вольница часто шли боемъ на Воронежъ, гдѣ онъ первымъ занялъ святительскую каѳедру. Весь край былъ полонъ раскольниками, которые въ то время были настроены особенно неспокойно и шли на открытую борьбу съ правительствомъ. Одинъ изъ раскольниковъ самаго святителя Митрофана называлъ антихристомъ, ибо тогда для поборниковъ древляго благочестія антихристы мерещились повсюду. Понизовая вольница и донскіе раскольники охотно якшались съ немирными инородцами въ надеждѣ съ ихъ помощью

одолѣть никоніанскую церковь и антихристово государство. Домашніе споры, даже по словамъ ихъ участниковъ, рѣшались часто „татарскимъ погромомъ“, съ оружіемъ въ рукахъ.

Такимъ-же врагомъ безмолвія и уединенія, какъ калмыки и татары, вольница и раскольники, была только что заложенная въ Воронежѣ корабельная верфь. Кочевники отодвинулись къ югу, съ сѣвера подошелъ Петръ съ своими птенцами. Новый „караванъ“, т.-е. флотъ батальнымъ огнемъ и фейерверками встрѣчаетъ пасхальную заутреню. Воронежская верфь украшена статуями обнаженныхъ античныхъ богинь. Въ Воронежѣ появились матросы изъ грековъ, корабельные мастера изъ англичанъ и всякій пестрый иноземный сбродъ подъ прямолинейною командою птенцовъ гнѣзда Петрова. А уже въ то время, епископу, какъ предсѣдателю духовнаго архіерейскаго приказа, приходилось постоянно вмѣшиваться въ такія мелочи и дрязги обыденной жизни, которыя самымъ насильственнымъ и обиднымъ образомъ отнимали отъ него возможность безмолвія и уединенія.

Приходилось зорко смотрѣть за цѣлостью церковныхъ земель и угодій, ибо тогда было много охотниковъ до чужой собственности, которые шли на чужое добро татарскимъ погромомъ. Приходилось мирить воинственныхъ подьячихъ и воинственныхъ поповъ, которые нападали другъ на друга съ оружіемъ въ рукахъ. Приходилось сыскивать и ловить по приказамъ изъ Москвы бѣглыхъ поповъ и бѣглыхъ монаховъ, — въ то время дѣло особенно хлопотливое и отвѣтственное; приходилось — и очень осторожно въ виду новыхъ теченій—рѣшать бракоразводныя дѣла, такія, напримѣръ, какъ дѣло Марка Матвѣева, матроса изъ грековъ, который требовалъ развести его съ женою, Анюткою,—ибо „она-де, Анютка, впредь ему ненадобна“.

Если просмотрѣть дѣловыя записи и письма перваго

воронежскаго епископа и дѣла духовнаго архіерейскаго приказа при немъ,—можно составить себѣ ясное представленіе о глубокомъ паденіи нравовъ того времени.

Факты такъ поразительны и ярки, порывы почти первобытной жестокости и несдержанности такъ необузданны и стремительны, что самаго снисходительнаго или безразличнаго къ дѣламъ вѣры и нравственности человѣка, могли бы довести до безнадежнаго унынія и пессимистическаго отчаянія.

Но святитель, всегда неизмѣнно строгій къ себѣ, чистый духомъ, погруженный въ глубокое созерцаніе тайнъ вѣры и судьбы церкви Христовой на землѣ, — кроткій и незлобивый подвижникъ, котораго самъ державный Петръ, не обинуясь, призналъ святымъ,—а Петръ желалъ и требовалъ отъ людей чего угодно, только не святости, — въ ожиданіи смерти „слезно молитъ“ свое словесное стадо „сотворить милость“, проситъ у нихъ „святыхъ молитвъ“ въ непререкаемой вѣрѣ, что эти молитвы будутъ и будутъ святыми.

Онъ не побоялся смерти, когда обличалъ Петра за соблазнъ младенчествующаго въ вѣрѣ народа. Онъ зналъ, что вѣра народа—младенческая вѣра. Но, зрѣлый духомъ въ помыслахъ о божественной правдѣ и любви, онъ всѣ свои упованія возлагаетъ именно на эту младенчествующую вѣру, ждетъ отъ нея душевной себѣ пользы, вѣритъ, что по молитвамъ этой вѣры Богъ сотворитъ милость его „бѣдствуемѣй душѣ“ и проститъ его прегрѣшенія. Съ непонятнымъ для ученаго протестанта смиреніемъ, съ трогательною заботливостью и настойчивостью онъ проситъ у народа „святыхъ молитвъ“, т.-е. „послѣдней любви“, ибо апостолъ далъ заповѣдь молиться другъ о другѣ.

И у младенчествовавшаго въ вѣрѣ народа нашлись эти святыя молитвы, зажглась въ сердцѣ эта „послѣдняя любовь“ и въ долгомъ молитвенномъ и духовномъ

общеніи съ почившимъ святителемъ, навсегда закрѣпились эти нерасторжимыя узы вѣры, любви и надежды въ нѣдрахъ русской церкви. И молитвами „всего православнаго народа“ стало навѣки святымъ имя Митрофана.

IV.

Весь православный народъ молился за Митрофана послѣ его кончины и Митрофанъ въ годы своей земной жизни молился за весь православный народъ.

„Святитель Божій, — говоритъ авторъ его „Житія“ на основаніи сохранившагося и доселѣ поминанья воронежскаго владыки, — не только живыхъ и усвоенныхъ ему свыше, яко овецъ пастырю, яко чадъ отцу, обымалъ сердечною своею любовью; но и усопшіе при немъ православные, какъ подъ его пастырскимъ жезломъ скончавшіеся, такъ и къ паствѣ его не принадлежащіе, и особенно православные воины, животъ свой за вѣру и отечество положившіе, не тѣсно вмѣщались въ любвеобильномъ его сердцѣ. Свидѣтельствуютъ о томъ помѣщенныя въ синодикѣ его безымянныя поминанія усерднымъ его ко Господу моленіемъ о всѣхъ въ новоучрежденной его епархіи при немъ скоропостижною смертью преставльшихся и усопшихъ безъ покаянія и причастія, и безъ отцовъ духовныхъ, — и еще о преставльшихся въ полку боярина Алексѣя Семеновича Шеина воинахъ на пути похода ихъ ко граду Азову, и подъ стѣнами сего града побіенныхъ, и въ плѣнъ заведенныхъ, и на водѣ утопшихъ, и всякою нуждною смертью скончавшихся; и о православныхъ воинахъ въ полку боярина Бориса Петровича Шереметева побіенныхъ, и въ плѣнъ заведенныхъ, и тамо скончавшихся“.

Эта страничка изъ поминанія святителя Митрофана

оттѣняетъ яркую бытовую картину. Стрѣлецкіе бунты съ раскольниками-пустосвятами и ихъ усмиреніе, охота на бѣглыхъ поповъ и монаховъ, „татарскіе погромы“ домашними средствами, постоянные походы на югъ и на сѣверъ, въ которыхъ люди гибнутъ въ бою и дорогѣ, пестрый и многоголосый шумъ вспугнутой толпы, выгнанной на новую, непривычную работу...

А воронежскій епископъ въ бѣдномъ и неустроенномъ каѳедральномъ храмѣ молитвенно поминаетъ убіенныхъ воиновъ Шеина и Шереметева, молится о въ полонъ заведенныхъ и на водѣ утопшихъ. Въ ту пору грандіозныхъ и опасныхъ предпріятій много людей умирало нуждною смертью. Новыя и новыя жертвы скоро вытѣсняли изъ памяти прежнія утраты. У Петра и его птенцовъ память на этотъ счетъ была коротка. И кто бы съ любовью и молитвой вспомнилъ о нихъ, если бы ихъ не поминалъ воронежскій епископъ?

Онъ молился за тѣхъ, за кого некому было молиться. *Только молился*, — скажутъ скептическіе передовые умы нашего времени. Это умное, но злое сомнѣніе бѣднаго и больнаго сердца. Теперь не хотятъ помнить и любить тѣхъ, кто душу свою полагалъ за друзей своихъ. Чутье преемственной исторической благодарности — утрачено. Мука и труды поколѣній, въ ихъ живой и органической связи, въ ихъ непосредственной смѣнѣ — обезчещены и опозорены въ глазахъ живыхъ, обезумѣвшихъ отъ языческой радости въ томъ сознаніи, что ихъ отцы и дѣды умерли, а они живы, ибо не надъ тѣмъ дѣломъ работаютъ внуки, надъ которымъ работали дѣды. Кичливое высокомѣріе исторической неблагодарности въ наши дни порой доходятъ до самаго неприкровеннаго, а иногда и изступленнаго безстыдства.

Святитель молился за скоропостижно скончавшихся. Это были не звѣри, которые безслѣдно пропадаютъ въ лѣсныхъ трущобахъ и дебряхъ. У нихъ была душа—

живая душа, которая не гибнетъ въ тѣлесной смерти. Это не только пушечное мясо, неодинаково подсчитанное въ реляціяхъ полководца и въ монографіяхъ историка. И надо сохранить память не только о числѣ ихъ, но и объ ихъ душѣ, которая волновалась и страдала живыми радостями и печалями и за невольною „скоропостижностью“ смерти не могла свести послѣдніе земные счеты съ совѣстью.

Святитель молился за нихъ, потому что за нихъ некому было молиться и они нуждались и до сихъ поръ нуждаются въ молитвѣ, потому что они христіане и вмѣстѣ съ нами составляютъ церковь, т.-е. тѣло Христово.

V.

Но и на этой чертѣ не остановилась молитва и любовь св. Митрофана.

За литургіею,—говоритъ авторъ его „Житія“,—онъ „изливалъ передъ Богомъ смиренную душу свою въ пламенномъ моленіи о себѣ и о своей паствѣ, о сущихъ въ мірѣ семъ и объ отошедшихъ въ міръ иной, о живыхъ, да сподобятся жизни вѣчныя, и о мертвыхъ, да избавятся вѣчныя смерти, и паче о сихъ послѣднихъ, яко не могущихъ самимъ себѣ помощи, ударялъ прилежно въ двери милосердія Божія и по благодати, обрѣтенной имъ у Бога, отверзалъ оныя для многихъ“.

О мертвыхъ паче, „чѣмъ о живыхъ, потому что сами себѣ они помочь не могутъ“. Какъ это было бы странно и непонятно для тонкихъ и изворотливыхъ казуистовъ державнаго Рима! Какъ это странно и непонятно для языческаго эгоизма нашихъ дней!

Мертвые—мертвы, живы только мы и поэтому только мы господа положенія. Мы любимъ только живыхъ, потому что мертвые ни себѣ, ни намъ ни въ чемъ помочь не могутъ. Только мы живы и въ насъ ничего нѣтъ отъ этихъ мертвыхъ. И когда мы умремъ, намъ никакой любви не надо, потому что мы умремъ совсѣмъ и отъ насъ ничего не останется. Но и живыхъ мы любимъ разумно. Мы ихъ любимъ, если они могутъ быть полезны намъ. Въ нихъ нѣтъ ничего что, стоило бы любви само по себѣ, внѣ всякихъ разсчетовъ и соображеній. Ихъ душа, если она у нихъ есть и если даже она будетъ жить послѣ смерти, совсѣмъ другая душа, не наша. Она для насъ чужая, ничего общаго у насъ нѣтъ—и погибнетъ-ли она или спасется,—какое намъ до этого дѣло?

Такъ говорилъ и говоритъ разумъ, такъ говоритъ наука, такъ говоритъ „духъ времени“, такъ говоритъ „современная теорія прогресса“

Еще не всѣ выводы сдѣланы изъ этихъ языческихъ посылокъ. Когда-же эти выводы будутъ сдѣланы, люди увидятъ, что мнимая наука и несомнѣнный духъ времени привели ихъ къ законамъ звѣриной, а не человѣческой жизни. Умные язычники нашихъ дней все чаще и чаще сближаютъ человѣка съ животнымъ, видятъ въ звѣрѣ много человѣческаго и въ человѣкѣ много звѣрскаго. Но, сглаживая границы между человѣкомъ и звѣремъ, они углубляютъ бездны между живымъ человѣкомъ и мертвымъ. Подальше отъ человѣка, поближе къ звѣрю—написано и на знамени „духа времени“. Смерть—послѣдній порогъ современнаго чувства и современнаго вниманія.

Многіе теперь забыли, что Христосъ побѣдилъ смерть, что христіане молятся и о нерожденныхъ еще поколѣніяхъ, что и передъ этими грядущими поколѣніями христіанинъ чувствуетъ свою отвѣтственность, свою обязанность не портить тѣ дороги, которыя сдѣланы трудами не одного только наличнаго поколѣнія, не разстрачивать запасовъ той любви и той вѣры, которыя доста-

лись намъ отъ нашихъ предковъ и которыя мы должны передать своимъ потомкамъ. Включая въ свое родословное дерево геральдическихъ звѣрей, мы рискуемъ девизы человѣчности и братства людей замѣнить борьбой за существованіе по обычаю дикихъ звѣрей и троглодитовъ.

Истинная молитва есть истинная любовь. И тамъ, гдѣ забыта молитва, нѣтъ и любви.

Чтобы понять до конца все содержаніе этой истины, намъ надо вернуться далеко назадъ,—къ тому времени, когда язычество, прикрываясь именемъ христіанства, во главу угла на мѣсто братской любви поставило эгоистическій разумъ.

VI.

Умные камни языческаго Рима державныхъ квиритовъ подали свой голосъ и въ католическихъ храмахъ папскаго Рима. Пурпуръ римской тоги привыкъ считать себя міродержавнымъ и не хотѣлъ мириться съ основнымъ началомъ христіанской жизни,—съ братскою любовью всѣхъ христіанъ ради полнаго единомыслія въ дѣлахъ вѣры. Величавые обломки классическаго Рима говорили не о братствѣ, а о власти и послушаніи.

Въ VIII и IX вѣкахъ Римъ готовился къ борьбѣ за власть, къ борьбѣ за юридическій раціонализмъ язычества противъ нравственнаго начала христіанской вѣры. Деспотъ отъ дней Ромула и Рема, съ неистребимою мечтою весь міръ склонить подъ свое желѣзное иго, Римъ находилъ, что церковь даетъ слишкомъ много свободы мірянамъ, что отъ этой свободы грозитъ опасность единству церкви, что ждать общаго голоса церкви, т.-е. единомыслія всѣхъ вѣрующихъ,—унизительно для римскаго автократа, привыкшаго самовластно предписывать

законы orbi et urbi,—и готовился дать міру единство, отнявъ у него свободу.

Уже давно съ искусствомъ опытнаго казуиста онъ поддѣлывалъ мнимо-подлинные документы. Была пущена въ ходъ легенда о дарѣ Константина. Были изготовлены лже-исидоровы декреталіи.

На патріаршій цареградскій престолъ вступилъ Фотій. По обычаю онъ извѣщалъ объ этомъ папу Николая 1-го письмомъ.

„Зачѣмъ пишу я это?—спрашиваетъ себя Фотій.— Для того, чтобы черезъ ваши молитвы, —поскольку мы видимъ себя призванными къ руководительству и управленію ввѣреннымъ намъ стадомъ,—черезъ ваши молитвы могли разсѣяться облака затрудненій, насъ окружающія“. „Предложивъ свое исповѣданіе вѣры и изобразивъ въ вѣрномъ описаніи наше положеніе, вторично просимъ, какъ мы уже просили, вашихъ молитвъ, чтобы Богъ былъ милостивъ и благосклоненъ къ нашимъ предначинаніямъ, чтобы всякій корень соблазна и камень претккновенія былъ устраненъ отъ церкви и мы могли бы порученное намъ стадо добро пасти“.

Но не побратски на этотъ братскій голосъ, на эту просьбу о молитвахъ отвѣчалъ епископъ-квиритъ.

„Вся церковь вѣрующихъ отъ св. Римской церкви, которая есть глава всѣмъ церквамъ, требуетъ наставленія,—на ней лежитъ забота о поддержаніи цѣлости вѣры, она разрѣшаетъ грѣхи тѣхъ, кто достоинъ этого, и черезъ нее испрашивается благодать Искупителя Господа“. „Все, что утверждается авторитетомъ римскихъ первосвященниковъ, все это должно твердо и неприкосновенно содержаться и никакое самоволіе не должно имѣть мѣста здѣсь“.

Roma locuta est! Римъ сказалъ. Своеволія въ мірѣ не должно быть. Воля и совѣсть міра—въ Римѣ.

Фотій, съ большимъ тактомъ и въ полномъ согласіи

съ соборными постановленіями и съ живымъ голосомъ церковнаго преданія, указывалъ на значеніе въ христіанскомъ мірѣ частныхъ мнѣній областныхъ церквей, говорилъ о тѣхъ условіяхъ, при которыхъ эти частныя мнѣнія не нарушаютъ единомыслія всей церкви и привелъ много яркихъ примѣровъ, гдѣ разница въ нѣкоторыхъ подробностяхъ церковной жизни отнюдь не нарушаетъ единенія церквей.

„Что утверждено черезъ опредѣленіе вселенскихъ соборовъ,—между прочимъ писалъ онъ,—то всѣ должны сохранять. Но что какой-либо изъ отцовъ частнымъ образомъ постановилъ, или что узаконилъ мѣстный соборъ, то хотя не можетъ быть разсматриваемо, какъ легковѣріе въ практикѣ соблюдающихъ оное, но зато и непринимающіе подобныхъ узаконеній не подвергаются никакой опасности, если не соблюдаютъ ихъ“.

Слова общепризнанной истины, общецерковной вѣры напрасно падали на языческіе камни Рима. Римъ хотѣлъ не вѣры и не истины, но власти.

„Мы вѣримъ, — писалъ папа Левъ IX цареградскому патріарху Михаилу Керулларію,—и съ твердостью исповѣдуемъ слѣдующее: римская церковь такова, что если какая-либо нація (церковь) на землѣ по гордости несогласна съ ней, то подобная церковь перестаетъ называться и считаться церковью,—она ничто. Это будетъ уже какое-то сборище еретиковъ, собраніе схизматиковъ, синагога сатаны“...

Еще и послѣдній разъ Roma locuta est! Послѣ этого христіанской церкви говорить съ Римомъ было не о чемъ.

VII.

Если бы въ концѣ VIII или въ началѣ IX вѣка странникъ съ православнаго востока вошелъ въ одну изъ церквей Италіи и Франціи, его, по словамъ Хомякова, глубоко поразило бы самовольное измѣненіе символа вѣры. Вопреки положительному опредѣленію вселенскаго собора, воспретившаго всякое измѣненіе въ символѣ вѣры, въ символъ было внесено мѣстное преданіе, не признанное общимъ голосомъ церкви.

„Какимъ образомъ, — спрашиваетъ Хомяковъ, — мѣстное мнѣніе могло найти мѣсто въ символѣ вселенскомъ? Не всей ли церкви въ ея совокупности дано разумѣніе Божественныхъ истинъ? Или мы чѣмъ-нибудь заслужили отлученіе отъ церкви? Вы не только не думали обращаться къ намъ за совѣтомъ, но даже не взяли на себя заботы предупредить насъ. Или мы ужъ такъ низко упали? Однако, не болѣе одного вѣка тому назадъ Востокъ произвелъ величайшаго изъ христіанскихъ поэтовъ и, можетъ быть славнѣйшаго изъ богослововъ, Дамаскина. Да и теперь между нами насчитываются исповѣдники, мученики вѣры, ученые философы, исполненные разумѣнія христіанства, подвижники, вся жизнь которыхъ есть непрерывная молитва. За что же вы насъ отвергли?—Но что бы ни говорилъ бѣдный странникъ, а дѣло было сдѣлано: разрывъ совершился. *Самымъ дѣйствіемъ своимъ (т.-е. самовольнымъ измѣненіемъ символа) Римскій міръ подразумѣвательно заявилъ, что въ его глазахъ весь Востокъ былъ не болѣе, какъ міръ илотовъ въ дѣлахъ вѣры и ученія. Церковная жизнь кончилась для цѣлой половины церкви*“.

Римъ забылъ, что въ истинной церкви Христовой „въ вопросахъ вѣры нѣтъ различія между ученымъ и

невѣждою, церковникомъ и мiряниномъ, мужчиною и женщиною, государемъ и подданнымъ, рабовладѣльцемъ и рабомъ,—что въ ней, когда это нужно, по усмотрѣнiю Божiю отрокъ получаетъ даръ вѣдѣнiя, младенцу дается слово премудрости, ересь ученаго епископа опровергаться безграмотнымъ пастухомъ, дабы всѣ были едино въ свободномъ единствѣ живой вѣры, которая есть проявленiе Духа Божiя".

Римъ забылъ, что „въ дѣлахъ вѣры, принужденное единство есть ложь, а принужденное послушанiе есть смерть".

Римъ забылъ, что „познанiе Божественныхъ истинъ дано взаимной любви христiанъ и не имѣетъ другого блюстителя, кромѣ этой любви".

Римъ забылъ, что „кто отрекается отъ братства съ людьми, тотъ, по неизбѣжному законопослѣдствiю, и въ Богѣ забываютъ Отца и что самыя эти слова—братъ, отецъ, заключающiя въ себѣ для церкви неоскудѣвающiй источникъ радости и торжества,—въ западныхъ исповѣданiяхъ повторяются только по преданiю, какъ условные термины, смыслъ которыхъ потерянъ".

„Авторитетъ папы,—говоритъ Хомяковъ,—заступившiй мѣсто вселенской непогрѣшимости, былъ авторитетъ внѣшнiй. Христiанинъ, нѣкогда членъ церкви, отвѣтственный участникъ въ ея рѣшенiяхъ, сдѣлался подданнымъ церкви. Она и онъ перестали быть единымъ: онъ былъ внѣ ея, хотя и оставался въ ея нѣдрахъ. Даръ непогрѣшимости, присвоенный папѣ, ставился внѣ всякаго на него влiянiя нравственныхъ условiй, такъ что ни испорченность всей христiанской среды, ни даже личная испорченность самого папы не могли имѣть на непогрѣшимость никакого дѣйствiя. Папа дѣлался какимъ-то оракуломъ, лишеннымъ всякой свободы, какимъ-то истуканомъ изъ костей и плоти, приводимымъ въ движенiе затаенными пружинами. Для христiанина этотъ оракулъ ниспадалъ въ разрядъ явленiй матерiальнаго свойства,—тѣхъ явленiй, законы которыхъ могутъ и должны подлежать изслѣдованiямъ одного разума, ибо внутренняя связь человѣка съ церковью была порвана. Законъ чисто внѣшнiй и, слѣдовательно, разсудочный, заступилъ мѣсто закона нравственнаго и живого, который одинъ не боится рацiонализма, ибо объемлетъ не только разумъ человѣка, но и все его существо. Государство отъ мiра сего заняло мѣсто христiанской церкви. Единый живой законъ единенiя въ Богѣ вытѣсненъ былъ частными законами, носящими на себѣ отпечатокъ утилитаризма и юридическихъ отношенiй".

„Познанiе Божественныхъ истинъ, приписываемое римскому епископу, не обусловливается его нравственнымъ совершенствомъ (доказательство Борджiа и многiе ему подобные); точно также не обусловливается оно и нравственнымъ закономъ, присущимъ церкви (ибо непогрѣшимость, присвоенная папѣ, ведетъ свое начало отъ такого дѣйствiя, котораго иначе назвать нельзя, какъ „нравственнымъ братоубiйствомъ"); наконецъ, не обусловливается она и умственнымъ превосходствомъ: такого превосходства папы себѣ никогда не приписывали. Итакъ, оно вполнѣ имѣетъ характеръ волшебнаго прорицательства".

На почвѣ классическаго римскаго властолюбiя идея христiанскаго братства устоять не могла и христiанская свобода задохнулась въ узахъ внѣшняго языческаго единства, основаннаго на деспотизмѣ и порабощенiи.

Церковь перестала быть церковью вѣрующихъ, ибо стала достоянiемъ только духовенства. Мiрянинъ — это полуязычникъ, почти лишенный правъ передъ „князьями церкви".

„По мнѣнiю древнихъ, записанному въ ветхомъ завѣтѣ, — говоритъ Хомяковъ, — тѣло есть косное вещество, а кровь есть жизнь. Итакъ: „вамъ, мiряне, тѣло,

вещество, ибо вы не болѣе, какъ вещественное тѣло церкви. А намъ, церковникамъ, кровь, ибо мы жизнь церкви".

Недаромъ въ нашей Польшѣ католичество называли „панской" вѣрой.

Въ патриціанскомъ Римѣ умѣли презирать рабовъ. Труждающимся и обремененнымъ въ папскомъ мірѣ не могло быть мѣста. Пурпуръ папъ и кардиналовъ смѣнилъ тоги высокомѣрныхъ квиритовъ, сохранивъ старый лозунгъ: горе побѣжденнымъ!

Но „Невидимый Глава церкви не нашелъ нужнымъ оставлять ей свой образъ для изреченія прорицаній, но всю ее одушевилъ своею любовію, дабы она имѣла въ себѣ самой непремѣняемую истину".

VIII.

Уже устами папы Николая I говорилъ Лютеръ. Въ Римѣ этого долго не замѣчали. Правда, тамъ впервые заявили право протеста, т.-е. отрицанія церкви, но полагали, что непогрѣшимость папы закроетъ дорогу всѣмъ дальнѣйшимъ протестамъ. Но эти надежды были ошибочны, ибо „законы логики строги и человѣкъ, самъ того не желая и не подозрѣвая, повинуется всѣмъ послѣдствіямъ, къ которымъ ведутъ разъ принятыя имъ данныя".

Раціонализмъ, т.-е. разумъ язычниковъ, необвѣянный духомъ истинной любви, легъ въ основу римской казуистики и протестантской учености.

Спасаетъ не вѣра, а разумъ,—вотъ новый догматъ запада, для него болѣе важный, чѣмъ догматъ о троичности Божества и богочеловѣчности Спасителя.

Многіе латиняне въ этомъ отношеніи и до сихъ поръ остаются въ полномъ заблужденіи. „Сами — раціоналисты во всѣхъ вѣрованіяхъ, а другихъ обвиняютъ въ

раціонализмѣ; сами — протестанты съ первой минуты своего отпаденія, а осуждаютъ произвольный бунтъ своихъ взбунтовавшихся братьевъ. Съ другой стороны, обвиненные протестанты, имѣя полное право обратить упрекъ противъ своихъ обвинителей, не могутъ этого сдѣлать, потому что сами не болѣе, какъ продолжатели римскаго ученія, только примѣняемаго ими по-своему. Какъ только авторитетъ сдѣлался внѣшнею властью, а познаніе религіозныхъ истинъ отрѣшилось отъ религіозной жизни, такъ измѣнилось отношеніе людей между собою: въ церкви они составляли одно цѣлое, потому что въ нихъ жила одна душа; эта связь исчезла, ее замѣнила другая — общеподданническая зависимость всѣхъ людей отъ верховной власти Рима. Какъ только возникло сомнѣніе въ законности этой власти, такъ единство должно было рушиться".

„Римъ разорвалъ всякую связь между познаніемъ и внутреннимъ совершенствомъ духа; онъ пустилъ разумъ на волю, хотя, повидимому, и попиралъ его ногами".

Какъ только протестующій разумъ поставилъ себя судьею надъ вопросами религіи и совѣсти,—мѣста для вѣры не осталось.

„Вѣра не есть актъ одной познавательной способности, отрѣшенной отъ другихъ, но актъ всѣхъ силъ разума, охваченнаго и плѣненнаго до послѣдней его глубины живою истиною откровеннаго факта. Вѣра не только мыслится или чувствуется, но, такъ сказать, и мыслится и чувствуется вмѣстѣ; словомъ, она не одно познаніе, но познаніе и жизнь.

„Попытка проникнуть въ область вѣры и въ ея тайны, предносл предъ собою только свѣтильникъ разума, есть дерзость въ глазахъ христіанина не только преступная, но въ то же время и безумная. Только свѣтъ, съ неба сходящій и проникающій всю душу человѣка, можетъ указать ему путь; только сила, даруемая Духомъ

Божіимъ, можетъ вознести его въ тѣ неприступныя высоты, гдѣ является Божество".

Только протестующій, по-язычески высокомѣрный разумъ, могъ поднять на западѣ, тотъ схоластическій споръ о писаніи и преданіи, который тамъ такъ долго туманилъ умы людей.

„Писаніе не что иное, какъ преданіе начертанное, а преданіе не иное что, какъ живое писаніе. Такова тайна этого стройнаго единства; оно образуется сліяніемъ чистѣйшей святости съ высочайшимъ разумомъ, и только черезъ это сліяніе разумъ пріобрѣтаетъ способность уразумѣвать предметы въ той области, гдѣ одинъ разумъ, отдѣленный отъ святости, былъ бы слѣпъ, какъ сама матерія".

Языческій разумъ, непомѣрно преувеличивая силы своихъ, въ сущности очень ограниченныхъ, способностей забываетъ, что „невѣдѣніе есть неизбѣжный удѣлъ каждаго лица въ отдѣльности,—такъ же, какъ и грѣхъ,—и что полнота разумѣнія,—равно какъ и безпорочная святость,—принадлежатъ лишь единству всѣхъ членовъ церкви".

Но, отнюдь не претендуя на лавры языческой мудрости, только изъ себя пытающейся объяснить все, „церковь имѣетъ то удивительное свойство, что она всегда раціональнѣе человѣческаго раціонализма".

Но люди запада, „унаслѣдовавъ слѣпую мудрость слѣпого язычества, не постигли величія таинствъ Божіихъ, требовали во всемъ причины и пользы и, подчиняя ученіе церкви толкованіямъ схоластическимъ, не желаютъ даже молиться, если не видятъ въ молитвѣ прямой цѣли и выгоды".

„Впрочемъ, романизмъ не могъ или не рѣшился, отдѣлясь отъ церкви, отринуть исконное ея достояніе. Фактъ общенія міра видимаго съ міромъ невидимымъ, т. е. святыми, занималъ такое важное мѣсто въ преданіи, что отрицать его было невозможно. Но онъ основанъ былъ на вѣрѣ въ начало любви, связующей жизнь земную съ жизнью небесною,—подобно тому, какъ ею же взаимно связуются люди въ земной жизни; теперь, когда это начало было отвергнуто, потребовалось новое объясненіе для удержаннаго факта. Молитвенное общеніе проявлялось въ двухъ видахъ: молитвы о заступленіи, обращенной къ міру невидимому, и молитвы за міръ невидимый, обращенной къ Богу. Романизмъ принялъ на себя положеніе власти, посредствующей между раемъ и чистилищемъ, такъ сказать, между двумя обществами, изъ которыхъ одно стоитъ выше, а другое ниже его; у одного онъ испрашиваетъ услугъ, а другому самъ оказываетъ услуги".

Папскій Римъ снова сталъ на языческую почву, на почву юридическихъ договоровъ, коммерческихъ сдѣлокъ и прибыльныхъ операцій на фонды добрыхъ дѣлъ святыхъ. Ложь проникла въ глубины его сердца.

„Православію, какъ истинѣ, — говоритъ Хомяковъ, который, по его собственнымъ словамъ, никогда не гонялся „за честью прослыть равнодушнымъ къ тому, что̀ онъ считалъ заблужденіемъ", который никогда „не старался прикрыть враждебность мысли умѣренностью выраженія",—православію, какъ истинѣ, ложь враждебна по существу; въ протестантствѣ, какъ области исканія истины, ложь неумѣстна; въ романизмѣ, какъ доктринѣ, отрекающейся отъ своего собственнаго исходнаго начала, она неизбѣжна".

И эта ложь не только неизбѣжна, но и необходима для запада.

„Мнѣ въ молодости,—говоритъ Хомяковъ,—эта постоянная лживость цѣлой партіи внушала негодованіе и отвращеніе; но позднѣе эти чувства смѣнились во мнѣ искреннею скорбью и глубокимъ соболѣзнованіемъ. Я понялъ, что ложь, какъ желѣзная цѣпь, охватывала своими

звеньями души, томимыя жаждою правды; понялъ горестное положеніе людей, покорившихся печальной необходимости искажать истину, лишь бы спасти себѣ положительную вѣру и не впасть въ протестантство, т.-е. не остаться при одной возможности или потребности въ религіи, безъ всякаго реальнаго содержанія".

Но самая пагубная и самая чреватая печальными послѣдствіями ложь запада заключалась въ томъ, что „уединивъ человѣка отъ его братьевъ и отлучивъ его отъ Бога, оба западныя вѣроисповѣданія нашли еще средство разсѣчь самаго человѣка надвое, во всей его жизни, и отдѣлить разумъ отъ дѣйствія, которое есть выраженіе разума, иначе его слово, принимая этотъ терминъ въ самомъ широкомъ его значеніи".

Но дорого было заплочено за это печальное торжество языческаго раціонализма. Большая или меньшая сознательность вѣры была только у римскихъ священниковъ и у протестантскихъ профессоровъ. Что̀ такое представляетъ на западѣ весь его церковный народъ? Это—„презрѣнная чернь? Стадо безсмысленное и безгласное? Рабъ въ дѣлѣ вѣры, бывшій рабъ клира, а теперь рабъ ученаго,—навѣки осужденный сгибать голову то передъ тіарою и митрою, то теперь передъ докторскою шапкою. Замѣшательство увеличивается съ каждымъ шагомъ, и безсмыслица доктрины увеличивается безсмыслицею нравственною".

IX.

Логическіе и практическіе выводы, которые неизбѣжно слѣдовали изъ самаго факта отпаденія римской церкви, мы указали главнымъ образомъ словами Хомякова.

И эти слова просты и ясны, какъ и слова церков-

ныхъ писателей, которые пользуются для выраженія той же мысли другими терминами. И эти выводы безусловно убѣдительны для каждаго безпристрастнаго человѣка, который выработалъ себѣ привычку самостоятельно мыслить и вдумываться въ дѣло.

Но будутъ ли они ясны и понятны для нашего поколѣнія, часто воспитаннаго внѣ религіи? Не думаетъ ли наша интеллигенція, что сила Запада не въ его вѣрѣ, а въ его невѣріи,—не въ его христіанскихъ писателяхъ, а въ его скептикахъ и вольнодумцахъ? Не кажется ли ей, что западъ порвалъ всѣ связи съ церковью, ушелъ изъ нея, и, уходя, ничего изъ нея не взялъ?

Несомнѣнно, что это одно изъ завѣтныхъ „убѣжденій" передовыхъ умовъ нашего времени. Но эти передовые умы грубо ошибаются. Церковь вѣками воспитывала людей запада. Ея уроки забыть не такъ-то легко. Самый прямолинейный безбожникъ изъ французовъ или итальянцевъ въ привычкахъ мышленія и въ убѣжденіяхъ—католикъ до мозга костей. Свободомыслящій нѣмецъ—ярый протестантъ даже тамъ, гдѣ онъ безусловно отказывается отъ всякаго общенія съ своею церковью. Ренегаты церкви дѣлаютъ выводы изъ тѣхъ посылокъ, которыя когда-то положила въ ихъ душу церковь.

Правда, интеллигенція запада, какъ и наша, выработала себѣ свой языкъ и легкомысленно думаетъ, что ея новыя слова выражаютъ и новыя мысли. На самомъ дѣлѣ это совсѣмъ не такъ. Она говоритъ то же, что́ говорила и западная церковь, только пользуется менѣе точными и ясными словами. Дмократизація знанія и на западѣ принизила общій уровень самостоятельной мысли.

Поэтому въ томъ, что̀ у насъ принято называть новыми словами и новыми путями,—звучатъ только отголоски старыхъ ошибокъ и заблужденій.

Даже простой и ясный языкъ Хомякова надо для нашей интеллигенціи еще разъ перевести на интелли-

гентный языкъ, языкъ причудливый и вычурный, хотя онъ и стремится старыя ошибки выдавать за новыя истины.

Всѣ эти выводы имѣютъ все свое значеніе и для русской интеллигенціи, ибо она почти два вѣка не живетъ идеалами русской души и совѣсти, и дѣлитъ съ западными мыслителями роковое наслѣдіе его исторіи.

Какими же чертами отмѣченъ современный деспотическій „духъ времени", который держитъ въ своихъ казематахъ нашу молодежь? Чѣмъ гордится „теорія современнаго прогресса?" И куда ведетъ „стихійная" эволюція современной соціологіи? Поставили ли они на мѣсто старой лжи новую правду или только на новый ладъ повторяютъ слова папъ Николая I и Льва IX?

Отмѣтимъ четыре стороны западной лжи, единой въ своемъ источникѣ, но манящей къ себѣ своихъ рабовъ неодинаковыми средствами,—лжи не только многовѣковой, но и современной, не только исторической, но и воинствующей.

X.

Римскій католицизмъ вѣками воспитывалъ западную толпу въ привычкѣ жить подъ внѣшнимъ авторитетомъ. Западный міранинъ, кто бы онъ ни былъ, зналъ, что непогрѣшимъ только папа и поэтому онъ лично никакой отвѣтственности на себѣ не несетъ, если только онъ покоренъ папѣ.

Эта безотвѣтственность въ дѣлахъ вѣры и совѣсти подъ непремѣннымъ условіемъ постоянной покорности убивала всякое самобытное творчество и мало-по-малу приводила къ полному невѣжеству въ вопросахъ, самыхъ близкихъ и самыхъ серьезныхъ для каждаго человѣка.

Свобода изслѣдованія, предоставленная каждому члену церкви и даже обязательная для него, растаяла подъ жгучими лучами папскаго величія. Напрасно восточная церковь, вѣрная божественнымъ завѣтамъ своего. Основоположника, звала западныхъ рабовъ къ свободѣ о Христѣ, къ творческой и созидательной работѣ въ дѣлѣ вѣры по духу любви,—рабы не отзывались на этотъ призывъ, потому что они рабы изначала, потому что они привыкли склоняться передъ римскими орлами, на которыхъ только по недоразумѣнію стерлись магическія буквы SPQR,—потому что подвигъ христіанской свободы труденъ, требуетъ напряженія всѣхъ умственныхъ и нравственныхъ силъ человѣка, потому что подвигъ любви требуетъ постоянной и напряженной борьбы съ грязными животными влеченіями человѣческой природы.

Вѣка добровольнаго духовнаго рабства изсушали источники личной пытливости и вдумчивости, мысль въ лѣнивой безпечности утрачивала подвижность и неутомимость, совѣсть переставала быть живой и отзывчивой.

Это постоянные спутники всякаго рабства, особенно духовнаго,—а римскіе католики всегда были рабами, именно потому, что разъ навсегда отказались отъ свободы совѣсти, вымѣнявъ на нее лживый призракъ папской непогрѣшимости.

У насъ святитель Митрофанъ говорилъ посламъ гнѣвнаго Петра, что надъ своею душою онъ не признаетъ никакой человѣческой власти. Протопопъ Аввакумъ, это эпическое воплощеніе мятежной свободы совѣсти, и многія, многія тысячи его послѣдователей передъ лицомъ смерти свидѣтельствовали, что дѣло своего спасенія они считаютъ прежде всего дѣломъ своей свободы и что отвѣтственность за это дѣло они не отдадутъ никому.

Наши раскольники никакъ не могли понять, что въ дѣлахъ вѣры и совѣсти можно принуждать къ покорности, что въ церкви есть внѣшняя власть, которая

можетъ предписывать и узаконять правила церковной жизни, безъ добровольнаго согласія всего церковнаго народа, что духъ человѣка можно сдѣлать рабскимъ, т.-е. что можно убить его. Совѣсть подсказывала имъ, что живой и пламенный духъ умереть не можетъ, что въ немъ ничего рабскаго нѣтъ, что проповѣдь внѣшнихъ узъ для его порабощенія есть хула на Духа Святаго.

На западѣ дороги къ спасенію мимо папы и въ обходъ ему не было. Онъ одинъ вязалъ и рѣшилъ узы грѣха и заблужденія и западный мірянинъ, какъ и клирикъ, потерялъ власть не надъ своимъ тѣломъ, что̀ всегда ужасно, но надъ своею душою, что̀ равносильно полному человѣческому паденію, полной утратѣ образа и подобія Божія. Это не спартанскіе илоты, а илоты духа, которые дичали, какъ звѣри въ лѣсныхъ дебряхъ, ибо за папой не видѣли Бога, а своей совѣсти ради послушанія не имѣли.

Вѣка, вѣка такого рабства... И западъ забылъ ихъ? Отвернувшись отъ папы, онъ вылилъ изъ своихъ жилъ рабскую кровь предковъ и, весь обновленный, вошелъ въ благодатное царство свободы?

Это именно и утверждаютъ такъ называемые передовые умы запада. Не вѣрить имъ—было бы слишкомъ легкомысленно. Такія историческія полосы не забываются никогда. Онѣ бросаютъ свои темныя тѣни на самые интимные, самые смутные инстинкты человѣческаго духа и ихъ отдаленное вліяніе слабѣетъ только съ вѣками.

Мѣняется только форма рабства, но духъ рабства вѣетъ и по новымъ путямъ.

На смѣну римскихъ схоластиковъ и казуистовъ явились люди реформы и критики. Ихъ голосъ отозвался по всему сѣверу западной Европы. Они должны были имѣть успѣхъ, потому что ничего новаго они не говорили и только вполнѣ послѣдовательно дѣлали выводы изъ практики римскаго раскола, отрекшагося отъ церкви.

Тогда внѣшній авторитетъ отъ папы перешелъ къ нимъ. Лютеръ, Цвингли, Кальвинъ—по-своему стали непогрѣшимыми папами. Привычка жить подъ внѣшнимъ авторитетомъ такъ скоро исчезнуть не могла. Ради того единомыслія, память о которомъ доносилась и къ нимъ черезъ вѣка папской непогрѣшимости, протестанты принимали формы исповѣданія ученыхъ реформаторовъ и, не обладая сами такою ученостью, обязаны были такъ же покорно повиноваться имъ, какъ прежде они повиновались папѣ.

Реформа была дѣломъ немногихъ людей, которые болѣе или менѣе сходились на нѣкоторыхъ пунктахъ новой церковной программы. За ними пошли массы. Много ли въ этихъ массахъ было людей, которые съ полною сознательностью разсмотрѣли, взвѣсили и усвоили доказательства своихъ вождей?

Отвѣтъ легокъ. Ученость—дѣло незаурядное. Ученыхъ всегда немного. И ставъ подъ знамена реформы, рядовые протестанты шли на противниковъ изъ побужденій мірскихъ и свѣтскихъ, смѣнивъ въ дѣлахъ совѣсти и вѣры только одинъ внѣшній авторитетъ на другой.

Они такъ же слѣпо повѣрили своимъ вождямъ, какъ прежде вѣрили папѣ. Были ли зачинщики реформы людьми чистой, праведной и святой жизни? Исторія даетъ отрицательный отвѣтъ. Обнаружили ли они ту исключительную, для каждаго очевидную чуткость совѣсти, ту младенчески свѣтлую чистоту помысловъ, какая несомнѣнно сказалась въ жизни и подвигѣ Франциска Ассизскаго и фра Джіакопоне да Тоди? Нѣтъ, это были люди практическаго дѣла, трезвые и, какъ теперь говорятъ, реальные политики въ области церковной дипломатіи.

Опирались ли они на вѣковыя преданія церкви, на единомысліе всѣхъ христіанскихъ поколѣній отъ апостоловъ до Лютера, на вдохновенную проповѣдь первыхъ

учителей церкви и мучениковъ? Нѣтъ, потому что преданіе они отвергали.

Почему же имъ вѣрили? Почему же думали, что они говорятъ правду? Только потому, что это были ученые люди, способные объяснять и толковать писаніе.

Не люди исключительнаго генія, не люди пламенной вѣры, не люди святой жизни были признаны непогрѣшимыми, а доктора богословія, люди съ университетскими дипломами.

Но всегда ли непогрѣшима ученость? Не оказалось ли новыхъ ошибокъ въ ученыхъ трудахъ Меланхтона? Не дѣлала ли ошибокъ ученость прошлаго десятилѣтія? Не найдутъ ли ошибокъ въ трудахъ ученѣйшихъ нашихъ современниковъ студенты, которые пока смиренно внимаютъ урокамъ „всесвѣтной“ знаменитости?

Наука, какъ дитя спора и доказательствъ, какъ вѣчно юное дитя времени, не можетъ быть признана непогрѣшимою по существу и поэтому не можетъ давать непогрѣшимыхъ совѣтовъ и указаній для практики въ общественной жизни.

Но рабство духа на западѣ уже пустило глубокіе корни. Науку признали авторитетомъ и она, конечно, стала только внѣшнимъ авторитетомъ, безошибочнымъ оракуломъ и механическимъ прорицателемъ правды, неподлежащей критикѣ толпы, какимъ былъ папа.

Ее сдѣлали тѣмъ, чѣмъ она никогда не была, чѣмъ она никогда не могла быть, чѣмъ, надо думать, она никогда не хотѣла быть. Но папу, съ которымъ на протяженіи столькихъ вѣковъ сживалась рабская совѣсть западныхъ раскольниковъ, замѣнить было нечѣмъ и его замѣнили наукой.

XI.

Реформа открыла дорогу скептикамъ и проповѣдникамъ невѣрія. Римскій расколъ дѣлалъ свое дѣло. Его первый протестъ противъ церкви показалъ дорогу для всѣхъ дальнѣйшихъ протестовъ. Передъ нами цѣлая фаланга скептиковъ XVIII и XIX в.

Не они ли стали пророками новой свободы духа, до нихъ невѣдомой западу? Истребили ли они безпечный и лѣнивый духъ рабства, который такъ легко отказывается отъ отвѣтственности за свою вѣру, а черезъ вѣру и за свои дѣла?

Нѣтъ, имъ удалось только добиться тѣхъ же привиллегій внѣшняго авторитета, которыми пользовались когда-то римскіе первосвященники. Бывали десятилѣтія, бывали годы, когда въ того или другого изъ нихъ тѣ или другія партіи вѣровали, какъ въ папу, и на тотъ или другой срокъ признавали ихъ непогрѣшимыми. Они, по современной терминологіи, входили въ моду, т.-е. становились чудодѣйственными фетишами, которые автоматически прорицали міру всегда и все болѣе и болѣе новую правду.

Фетишизмъ западной интеллигентной толпы сталъ за послѣднее время еще легкомысленнѣе и еще ничтожнѣе, потому что толпа недавнихъ рабовъ забыла, о чемъ прежде всего надо думать и чего прежде всего надо искать,— забыла, что существенною цѣлью человѣческихъ стремленій можетъ быть только благо всѣхъ братьевъ о Христѣ, что возможно только подъ условіемъ братской любви и единомыслія.

За послѣднее время теоріи и доктрины смѣняются часто и каждый разъ находятъ густыя толпы послѣдователей и сторонниковъ. Но въ этихъ увлеченіяхъ мало

серьезности и искренности. Пока еще нѣтъ привычки брать на себя отвѣтственность за свою вѣру и почти равнодушному къ истинѣ человѣку удобно сваливать отвѣтственность на непогрѣшимаго Маркса, какъ прежде эту отвѣтственность съ величайшею охотою возлагали на папу.

Сдѣлаю ли я ошибку, если скажу, что есть убѣжденные, очень убѣжденные марксисты, которые никогда не читали Маркса? Спросите ихъ, почему они считаютъ то или другое положеніе модной доктрины вѣрнымъ, и они не найдутъ другого отвѣта, кромѣ неосмысленныхъ и наивныхъ въ младенческомъ легкомысліи словъ: „такъ сказалъ Марксъ". И если завтра пойдетъ по губамъ какое-нибудь другое имя, они съ такимъ же упрямымъ и самодовольнымъ тономъ назовутъ прозвище новаго кумира.

Самый чтимый донынѣ фетишъ нашего времени это—наука. Несомнѣнно, что девяносто девять процентовъ изъ тѣхъ людей, которые такъ охотно говорятъ отъ имени науки, знакомства съ нею не вели и не ведутъ. Но слова: „наука доказала" дѣйствуютъ на толпу, уже совершенно незнакомую съ наукою, какъ волшебное заклинаніе. При платонической влюбленности малообразованной толпы въ науку, толпа не замѣчаетъ, что мнимая наука говоритъ самыя противорѣчивыя вещи и иногда такія глупости, что за эту великолѣпную науку просто стыдно становится. Къ сожалѣнію, за послѣднее время это слово слишкомъ часто служитъ цѣлямъ шарлатанства и тенденціи. Если брать въ среднемъ, это самый модный, но и самый мертвый фетишъ интеллигентной толпы, обвѣваемый съ запада духомъ рабства.

Вѣра, упорная вѣра является даже прежде ознакомленія съ объектомъ вѣры и ликующіе рабы внѣшняго авторитета прячутся за чужой спиной, чтобы уклониться отъ всякой отвѣтственности за свои ошибки.

Потомъ они жалуются, что ихъ обманули, что они разочаровались, какъ будто они имѣли право вдаваться въ обманъ, какъ будто они не сами виноваты въ томъ, что слишкомъ легко, какъ дикари, очаровываются всякимъ пестрымъ чурбаномъ.

Если внимательно присмотрѣться къ современной „убѣжденности", въ ней нельзя не отмѣтить черты неразсуждающей стадности, эпидемической повальности и заразительности модной доктрины, необузданной жажды внѣшняго авторитета.

Бываетъ такъ, что, чѣмъ хуже человѣкъ знаетъ доктрину, тѣмъ онъ больше за нее распинается, и степень убѣжденности является обратно пропорціональною ознакомленности съ дѣломъ или теоріей.

И это вполнѣ естественно и вполнѣ понятно. Чѣмъ меньше знаютъ теорію, тѣмъ больше въ нее вѣрятъ, ибо при ближайшемъ внимательномъ ознакомленіи съ теоріею сомнѣнія неизбѣжны. А не вѣрить въ какую-нибудь теорію современному интеллигентному человѣку безусловно невозможно, ибо каждый волъ знаетъ ясли господина своего и ни одному волу еще не приходило въ голову, что онъ самъ можетъ выбрать для себя господина по своему вкусу или даже быть свободнымъ. Это обычная логика и психологія подъяремныхъ.

Это ровое наслѣдіе Рима, гдѣ одинъ имѣлъ право думать за всѣхъ, потому что онъ непогрѣшимъ, и гдѣ всѣ признавали эту непогрѣшимость, чтобы не отвѣчать за свою вѣру.

Жажда этого духовнаго рабства за послѣдніе два вѣка сдѣлала большіе успѣхи и въ русскомъ интеллигентномъ обществѣ. И оно прячется за спиною непогрѣшимыхъ непогрѣшимаго запада, опасаясь, какъ бы собственная голова не отдавила холеныя, но безсильныя плечи.

Рабство духа — это первая и самая опасная ложь

запада, привитая ему въ языческомъ Римѣ почти десять вѣковъ тому назадъ. Это самый старый недугъ народовъ западной Европы.

XII.

Позже развилась и захорошѣла ровесница этой лжи по годамъ и по духу, другая ложь, ложь протеста, ложь розни. И ея первые симптомы явились въ дни отпаденія Рима отъ церкви.

Папамъ на время удалось скрыть эту ложь отъ непосвященныхъ глазъ. Папа имѣетъ право протестовать, потому что онъ непогрѣшимъ. И въ теченіе многихъ вѣковъ всѣ этому слѣпо вѣрили.

Но настало время, когда это кудесническое очарованіе исчезло. Право протеста показалось лакомымъ правомъ. Если папа протестуетъ противъ единства церкви, то почему мірянамъ не протестовать противъ папы? Если онъ, человѣкъ изъ плоти и крови, непогрѣшимъ, то почему и всѣмъ не стать непогрѣшимыми? И не есть ли протестъ лучшій плодъ западнаго ума и западной энергіи? И не есть ли борьба во всѣхъ ея видахъ самый жизненный нервъ въ исторіи народовъ запада?

Новая мысль пролагала себѣ дорогу медленно и осторожно. Мятежный протестъ не могъ, конечно, однимъ порывомъ истребить вѣковые инстинкты рабства. Вырвавшись на свободу, онъ не зналъ, что ему дѣлать съ этою свободою, и немедленно начиналъ искать новыхъ господъ, которые избавили бы его отъ ненужной и обременительной для него свободы.

Этихъ господъ онъ, находилъ въ зачинщикахъ протеста, которые и брали его подъ свое крыло. Вмѣсто одного папы явилось много господъ. Но и у господъ протестъ былъ только рабскій, потому что былъ скопированъ съ Рима.

Во имя чего Римъ отрекался отъ вселенской церкви и отъ заповѣдей христіанской любви? Ради власти надъ совѣстью запада. Отрекаясь отъ заповѣди любви, какой другой принципъ онъ могъ положить въ основу своего міровоззрѣнія и своей жизни? Только разумъ, — т.-е. тотъ раціонализмъ, который въ своихъ построеніяхъ опирается только на себя и не считаетъ для себя обязательными заповѣди любви.

Но разумъ не можетъ быть принципомъ жизни, потому что, сдвинувшись съ христіанскаго фундамента, онъ виситъ на воздухѣ и у разныхъ людей въ разныя времена даетъ самыя противорѣчивыя показанія. Онъ не вноситъ съ собою въ міръ единства, но всегда ведетъ къ разъединенію. Въ немъ нѣтъ программы, практическаго стимула и творчески-жизненной силы. Онъ не даетъ заповѣдей, обязательныхъ для всѣхъ, и въ немъ по самому существу дѣла нѣтъ ничего положительнаго.

Такимъ образомъ, уже римскій протестъ былъ протестомъ рабскимъ. Папы, эти міродержавные рабы, отпадая отъ церкви и отъ заповѣдей любви, рѣшительно ничего не имѣли подъ руками, чѣмъ бы они могли замѣнить это начало.

Они фактически отрицали христіанскій строй жизни, но какъ устроить жизнь на другихъ началахъ, не знали сами,—какъ въ годы отпаденія, такъ и въ годы своего языческаго торжества.

Въ христіанской памяти заповѣди любви были еще слишкомъ живы и ярки. Дать точный смыслъ словамъ своего символа и открыто перейти къ язычеству,—даже для папъ было невозможно. И они сохранили привычные термины, хотя влили въ нихъ совершенно другое содержаніе.

Они на протяженіи многихъ столѣтій говорили о христіанской любви, хотя это слово уже давно утратило у нихъ всякій смыслъ. Развѣ изъ любви къ человѣку

дѣлаютъ его рабомъ? Любовь ли продиктовала имъ законы, которыми вся церковь была лишена свободы совѣсти и свободы изслѣдованія?

Отъ мірянъ, какъ отъ неполноправныхъ членовъ христіанской церкви, отнято пріобщеніе подъ обоими видами. Кровь Христова — привилегія духовенства. И это дѣло христіанской любви? Тогда, значитъ, и западный феодалъ налагалъ цѣпи позорнаго рабства на своихъ виллановъ изъ любви къ нимъ? Тогда, значитъ, и у насъ крѣпостное право стояло на почвѣ любви, которая неотдѣлима отъ свободы?

Слова остались: страшно было отъ нихъ отказаться, потому что, какъ чувствовали всѣ, только въ нихъ правда жизни и совѣсти. Рабскій протестъ всегда носитъ на себѣ слѣды рабскаго лицемѣрія и рабскаго лукавства, ибо,—и въ этомъ вся его сущность,—онъ, протестуя, ничего не имѣетъ на замѣну того, противъ чего онъ объявилъ мятежъ, какими бы красивыми фразами и девизами онъ ни прикрывался. Весь его смыслъ и вся его жизнь строго заключены въ тѣ границы, въ которыхъ воплотилось начало, имъ отрицаемое. Ни шагу дальше. Ничего, рѣшительно ничего своего. Одинъ раціонализмъ, т.-е. исключительно полемика и критика.

Вотъ этотъ-то рабскій протестъ и легъ въ основу жизни европейскаго запада. Протестанты открыто признаются, что весь смыслъ ихъ исповѣданія, это—исканіе истины. Они ищутъ истины, — значитъ, еще ее не нашли. Значитъ, истина не Христосъ и не его заповѣди. Значитъ, пока они еще не христіане и у нихъ никакого исповѣданія нѣтъ.

Послѣ протеста противъ церкви вполнѣ естественно возникъ протестъ противъ папы. Послѣ протеста противъ папы неизбѣжно долженъ былъ возникнуть протестъ противъ протестантства. Это скептики XVIII и XIX в.

Во имя чего же они протестуютъ? Нѣкоторые изъ нихъ говорятъ, что во имя блага человѣческаго рода. Это—слово, въ которомъ нѣтъ никакого содержанія. Что кажется благомъ для еврея, то не кажется благомъ для христіанина. Благо фиджійца или папуаса не соблазнительно для блѣднолицыхъ. Понятіе о благѣ — понятіе формальное. Въ чемъ же именно заключается это благо? Отвѣта—нѣтъ.

На самомъ ли дѣлѣ это протестъ ради протеста, т.-е. расторженіе всѣхъ существующихъ связей и соединеній, разрушеніе всего, что было строено вѣками, голое отрицаніе всякой общественной жизни.

Послѣднее слово глубоко-комическаго интеллигентнаго протеста нашихъ дней это—жизнь внѣ общенія съ людьми, сверхъ-человѣки и босяки.

Протестъ, разъединеніе, вражда, ненависть, месть, борьба—все это слова одного порядка. Въ наши дни на всѣ лады твердятъ, что борьба за существованіе есть неизбѣжный законъ и для человѣчества, и что это превосходно, такъ какъ обезпечиваетъ побѣду сильнаго надъ слабымъ. Тотъ, Кто, придя на землю, не хотѣлъ переломить трости надломленной,—далъ не эту заповѣдь. Но наши передовые умы, отрицая христіанство въ самой жизненной его заповѣди, все же думаютъ, будто бы они дѣлаютъ дѣло любви.

Не является ли запоздалою попыткою оправданія папства теорія эволюціи, для которой такъ нужна дифференціація всего органическаго и живого? Раздробимся всѣ на отдѣльные атомы, — расколъ такъ расколъ,—и посмотримъ, что̀ изъ этого выйдетъ. Развѣемъ на маленькія пылинки живой общественный организмъ и посмотримъ, отъ какихъ четырехъ вѣтровъ повѣетъ духомъ жизни на эти кости сухія. Провѣримъ этимъ безчеловѣчнымъ и противообщественнымъ путемъ пророче-

ство Іезекіиля. Или неправъ былъ папа Николай I, когда поднялъ знамя мятежа?

Соціологи нашихъ дней сущность исторической жизни видятъ въ классовой борьбѣ. Классовая борьба—драгоцѣнный залогъ постояннаго движенія впередъ. Всѣ процессы жизни строятся на враждѣ. Когда же кончится эта классовая борьба? По словамъ нашихъ соціологовъ конца этой борьбѣ не предвидится еще много и много вѣковъ. Во имя чего же проповѣдуется эта борьба? Во имя любви,—во имя любви къ грядущимъ поколѣніямъ. Но дѣти убійцъ и насильниковъ—поймутъ ли заповѣди справедливости, жалости и любви?

Русская интеллигенція еще недавно изливалась въ признаніяхъ любви къ русскому народу. Но она два вѣка, со временъ Бирона, видѣла въ вѣрѣ народа суевѣрія и предразсудки. Это та же лукавая любовь къ народу папскаго Рима, который изъ любви къ народу лишилъ его свободы. XVIII вѣкъ, вѣкъ появленія русской интеллигенціи, закрѣпилъ узы крѣпостного рабства и велъ энергичную борьбу съ православіемъ,—какъ опасною политическою факціею, также, конечно, изъ любви къ народу.

Человѣчеству страшно разстаться съ этимъ словомъ, словомъ вѣчной правды,—и оно до нашихъ дней имъ злоупотребляетъ, чтобы прикрыть языческій культъ вражды и борьбы,—культъ, осужденный Христомъ за его безчеловѣчность и безсиліе.

„Духъ времени,“—какъ любятъ говорить наши интеллигентные язычники,—это мятежный духъ рабовъ, которые рвутся разрушить дома господъ и свои лачуги, чтобы на другой день искать новыхъ господъ, такъ какъ сами они не съумѣютъ построить хижины даже для себя.

Рабство духа и рабскій протестъ—вотъ историческое наслѣдіе умнаго запада, которое въ настоящее время

тяжело обрушилось на плечи людей, охваченныхъ тревогою и безпокойствомъ при видѣ оскудѣнія жизненныхъ запасовъ историческаго прошлаго.

XIII.

Умный западъ даже въ религію внесъ начала раціонализма. Въ разумѣ весь человѣкъ и внѣ разума нѣтъ спасенія.

Но западъ и самъ знаетъ, что разумъ слишкомъ личенъ, слишкомъ субъективенъ и эгоистиченъ для того, чтобы только на немъ можно было основать разумную жизнь общества. Его едва хватаетъ на одинокое существованіе отдѣльнаго человѣка, пробивающаго себѣ дорогу среди враждебныхъ ему земляковъ и современниковъ,—и его слишкомъ мало для того, чтобы спасать племена и народы отъ распаденія и одичанія.

Всѣ силы духа, всѣ порывы сердца были принесены въ жертву невѣдомому чудовищу, которое на первыхъ парахъ сіяло такою „волшебно-сладкой“, демонической красотой, что люди въ первый разъ почувствовали себя „возрожденными“ и эпоха Возрожденія стала гордостью всѣхъ западныхъ народовъ.

Сатана снова стоялъ на кровлѣ іерусалимскаго храма и предлагалъ свои лукавые дары.

Онъ обѣщалъ западу свое могучее содѣйствіе въ трудномъ и не совсѣмъ земномъ искусствѣ творить чудеса на диво простодушной толпѣ, которая будетъ поражена, когда увидитъ, что западъ соскочилъ съ церковной крыши и даже мизинцемъ не зацѣпился за камни Сіона, чтобы возобновить въ языческомъ блескѣ камни античнаго Рима.

Онъ обѣщалъ передовымъ умамъ Европы дивный

даръ: камни превращать въ хлѣбы и этимъ держать толпу въ постоянномъ рабствѣ.

Онъ обѣщалъ западу всѣ царства міра и всю ихъ славу, если западъ упадетъ предъ нимъ и поклонится ему.

И западъ въ ту роковую минуту не сказалъ: „отойди отъ меня, сатана“.

Язычники римскимъ язычествомъ, язычники язычествомъ Возрожденія, язычники язычествомъ Реформы,— вотъ уже десять вѣковъ ждутъ исполненія этихъ обѣщаній, забывъ, что дьяволъ ложь есть и отецъ лжи, и вся ихъ вѣра,—гордая, какъ говорятъ они сами,—состоитъ въ томъ, что разумъ, одинъ только разумъ, дастъ имъ—скоро, скоро—это послѣднее торжество.

„Скоро, скоро“,—говоритъ себѣ каждое поколѣніе, а вѣка идутъ и золотой вѣкъ во всемъ его демоническомъ величіи все такъ же далеко, какъ и во дни папы Николая I.

Въ римской церкви былъ свой вѣкъ чудесъ, чудесъ очень сложныхъ и трудно объяснимыхъ—и пораженная толпа смиренно склонилась къ ногамъ великихъ волхвовъ и чародѣевъ.

Но секретъ этихъ раціоналистическихъ чудесъ былъ открытъ. Чудеса были подготовляемы артистически, но эти чудеса были слишкомъ земными.

Но какъ же быть безъ чудесъ? Если ихъ нѣтъ въ церкви, нѣтъ ли ихъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ? Безъ широко-задуманныхъ и блестяще поставленныхъ чудесъ западъ жить не умѣетъ.

Онъ жегъ на кострахъ колдуновъ и вѣдьмъ, потому что онъ всегда вѣрилъ колдовству и волхвованію, вѣритъ имъ и въ наши дни, и при чисто механической убѣжденности ищетъ волшебныхъ силъ и средствъ, чтобы подчинить себѣ превышнія таинства натуры и стать господиномъ двухъ міровъ, какъ папа самовластный повелитель видимой Европы и невидимаго чистилища. Западъ,

въ темномъ предчувстіи безсилія раціонализма, ждетъ чудесъ и вѣритъ въ чудеса.

Наука взяла на себя тотъ трудъ, который оказался не по силамъ западному духовенству. Ея успѣхи были дѣйствительно велики и блестящи. Въ области техническаго и прикладного знанія она ушла далеко впередъ и будущія поколѣнія никогда не забудутъ этихъ побѣдъ и завоеваній.

Уже на первыхъ порахъ торжества техническаго и механическаго генія Европы, научныя открытія любили называть чудесами науки, хотя, какъ мы знаемъ, ничего чудеснаго въ нихъ не было и нѣтъ. Это были *почти* чудеса, но только почти, ибо наука и чудо несовмѣстимы.

Но передъ грубой и невѣжественной толпой и естественныя явленія при должной ловкости можно выдать за чудеса. Это давало возможность обманутъ толпу и увѣрить ее, что наука умѣетъ творить чудеса какія угодно и въ какой угодно области.

Когда толпа въ египетскихъ храмахъ слышала искусственный громъ и видѣла на жертвенникахъ искусственные огни, она обнаруживала особенную склонность вѣрить, что въ этомъ храмѣ живетъ истина, доступная жрецамъ, но недоступная простымъ смертнымъ.

Говорятъ, что и въ храмахъ науки живетъ истина, вся истина во всемъ ея величіи, и что эта истина всемогуща, потому что въ этихъ храмахъ много телефоновъ и граммофоновъ.

Можетъ ли наука сдѣлать злыхъ и порочныхъ людей добрыми и добродѣтельными? Можетъ. Когда же она сдѣлаетъ это? Скоро, скоро...

Можетъ ли наука возродить или переродить человѣчество, до нашихъ дней такое немощное, доступное грѣху и ошибкѣ? Можетъ. Когда же? Скоро, скоро... И теперь уже, если вѣрить современнымъ лжепророкамъ, въ разныхъ странахъ появились различныя новыя

породы людей, ни въ чемъ не похожихъ на отцовъ, дѣдовъ и прадѣдовъ.

Можетъ ли наука сдѣлать человѣка безсмертнымъ на землѣ? Можетъ. Мечниковъ уже доказалъ, что если устранить нѣкоторые отростки кишекъ и нѣкоторыя железы, умный западный человѣкъ проживетъ аридовы вѣки.

Для науки все возможно и она побѣдитъ всѣ законы природы.

Можетъ ли наука превращать камни въ хлѣбы? Можетъ. Какъ бы ни размножалось человѣчество, корму хватитъ на всѣхъ. Если допустить, что въ недалекомъ будущемъ на одной квадратной сажени при многоэтажности будущихъ домовъ будетъ жить тысячи двѣ душъ, наука достанетъ имъ пищу не только изъ камней, но и изъ воздуха. Попытки въ этомъ направленіи были уже сдѣланы не разъ и оказались очень удачными.

Развѣ не этою вѣрою живутъ люди современнаго Запада? Развѣ не эти — уже не мнимыя — чудеса обѣщаетъ людямъ современная наука? Конечно, когда утверждаютъ это, клевещутъ и лгутъ на науку. Но именно это въ наши дни говорится отъ имени науки.

Магическое искусство науки—превращать камни въ хлѣбы—въ порядкѣ западно-европейскихъ чудесъ заслуживаетъ особаго вниманія. Толпа отдаетъ свои симпатіи не тому, кто ее кормитъ сегодня, но тому, кто обѣщаетъ ее кормить всегда. Вполнѣ понятно, почему въ этомъ случаѣ она особенно довѣрчива. Это поднимаетъ и толпу на высоту рабскаго мятежа. Она протестуетъ противъ хлѣба и хочетъ ѣсть камни и воздухъ, которые въ рукахъ всемогущей науки станутъ съѣдобными — скоро, скоро...

А чтò если эти чудеса окажутся не по плечу западной наукѣ? Чтò если камни такъ и останутся камнями? Вѣдь эти обѣщанія даетъ не настоящая наука, а та, которая гордится блескомъ будущихъ чудесъ?

Что же? Западъ въ убыткѣ не будетъ. Былъ блестящій протестъ ради протеста, была классовая борьба, на всемірно-историческую арену выдвинулись новыя сословія, у этихъ сословій явились новыя потребности и эти потребности обѣщаютъ новую классовую борьбу и новую идеологію.

Все дѣло въ борьбѣ и въ быстрой смѣнѣ идеаловъ. Только въ этой борьбѣ человѣчество идетъ „впередъ“... Куда? Къ чему?... Сказалъ ли это западъ?

А „царствія міра и слава ихъ“? Развѣ они не во власти запада? Не только зулусы и кафры, не только феллахи и индусы, но даже буры склонились передъ мечемъ Европы, которой—за покорность—была обѣщана эта власть надъ міромъ.

Тамъ, гдѣ утрачено чувство братской любви, разумъ становится страшнымъ. Злой, безпощадный и неутомимый въ жаждѣ эгоистической выгоды и пользы, онъ перестаетъ видѣть въ людяхъ братьевъ и оправдываетъ убійство, насиліе и ложь. Онъ разуменъ въ своей эгоистической, утилитарной и матеріалистической логикѣ, и уже давно узналъ, что нравственность — явленіе другого порядка, что она—неразумна, что всѣ представленія о должномъ и добромъ надо вытравить изъ людского сознанія.

Передъ лицемъ науки нѣтъ разницы между добромъ и зломъ. Подъ этимъ знаменемъ пріютились люди, которые ничего общаго съ наукою не имѣютъ, но очень хотятъ стать выше добра и зла, т.-е. по-просту утратить стыдъ и совѣсть.

Это лежитъ уже въ самой сущности раціонализма, который силенъ въ анализѣ, но по-дѣтски безпомощенъ въ синтезѣ, который все разлагаетъ до послѣдняго атома, но ничего не можетъ создать органически-живаго и устойчиваго.

Этотъ апокалипсическій звѣрь поднялъ надъ землею

свои многоразличныя и символически-причудливыя головы по первому призыву римскихъ папъ, когда они подняли знамя мятежа противъ заповѣдей единенія и любви. Онъ всякому поколѣнію обѣщаетъ все и всякое поколеніе умираетъ обманутымъ. Но западъ не усталъ обманываться, и современному поколѣнію кажется, что миражи золотого вѣка,—который придетъ скоро, скоро—еще никогда не были такими обаятельными, такими близкими и нарядными.

Впрочемъ, тоже казалось каждому поколѣнію и прежде...

XIV.

Римъ первымъ разрубилъ неудобный для него гордіевъ узелъ. Онъ первымъ разсѣкъ органическую и непремѣнную связь между словомъ и дѣломъ. Онъ первымъ поставилъ вопросъ, что̀ спасаетъ человѣка — вѣра или добрыя дѣла, какъ будто вѣра, разъ она есть, можетъ остаться мертвою и не проявиться въ жизни.

Какой смыслъ въ вѣрѣ, если она мирно спитъ въ холодномъ и себялюбивомъ сердцѣ?

Покажи мнѣ дѣла твои, чтобы я видѣлъ вѣру твою. Какія же дѣла покажутъ западъ и наша интеллигенція, какъ свидѣтельство своей вѣры? Дѣлали ли они то, что̀ они признавали истиннымъ и справедливымъ? Или, гордые своими теоріями и доктринами, жили какъ придется, потому что только вѣра, только теорія спасаетъ человѣка?

И передовые умы не всегда говорили однѣ глупости. Иногда и у нихъ срывалось человѣчное и дѣльное слово. Но переходило ли у нихъ и у ихъ послѣдователей это слово въ дѣло, въ жизнь?

Модные социологи много говорили и говорятъ о страданіяхъ рабочаго класса. Отъ какихъ же личныхъ удобствъ и благъ жизни они отказались, чтобы помочь рабочимъ и облегчить ихъ страданія?

Въ настоящее время создавать теоріи и доктрины дѣло небезвыгодное. На „новое слово“ всегда находится много охотниковъ и покупателей и книжка, приносящая людямъ „новую правду“, почти всегда идетъ ходко. Вполнѣ понятно, что современные мыслители, приспособляя свое мышленіе къ требованіямъ книжнаго рынка, прежде всего ставятъ себѣ вопросъ именно объ этой ходкости.

Они хотятъ сказать что-то непремѣнно новое, т.-е. сенсаціонное и причудливое, потому что они въ теченіи столѣтій выработали привычку смотрѣть на мышленіе, какъ на дѣло очень не серьезное. Они имѣютъ въ виду не дѣйствительную жизнь, а стройность теоріи. Когда о комъ-нибудь говорятъ, что онъ никогда не измѣнялъ своимъ убѣжденіямъ, то это собственно значитъ только, что онъ никогда не мѣнялъ своихъ убѣжденій, но отнюдь не значитъ, что всѣ свои силы и всю свою жизнь онъ отдалъ на служеніе этимъ убѣжденіямъ. Нынѣ есть много убѣжденій, приспособленныхъ къ будущему строю будущаго общества, и эти убѣжденія къ дѣйствительной жизни никакого отношенія имѣть не могутъ.

Считаетъ ли себя современный интеллигентный человѣкъ отвѣтственнымъ за свои убѣжденія? Нѣтъ, ибо то или другое онъ признавалъ только въ теоріи и никакимъ поступкомъ своихъ убѣжденій не засвидѣтельствовалъ. Теорія и слово—дѣло несерьезное и за него, по кодексу современной морали, вмѣненія нѣтъ. Здѣсь заранѣе предполагается, что между словомъ и дѣломъ ничего общаго нѣтъ, что теорія сама по себѣ, а жизнь сама по себѣ.

Это не случайное и не поверхностное явленіе. Корни его идутъ въ глубину западной исторіи и охватываютъ

весь общественный организмъ. На этой почвѣ создаются остроумныя юридическія тонкости, которыя съ поразительнымъ мастерствомъ отмѣчаютъ границу между замысломъ и исполненіемъ, между словомъ и дѣломъ. Развѣ могла бы юриспруденція войти въ оттѣнки этихъ явленій, если бы до нея не было заложено это убѣжденіе въ совѣсть людей примѣромъ западной церкви? Не значитъ ли это, что западные помыслы слишкомъ рѣдко переходятъ въ дѣло и что умыселъ самъ по себѣ въ глазахъ запада никакой цѣны не имѣетъ? Не значитъ ли это, что ложь на словахъ признана западомъ нормальною и естественною и что слова, т.-е. теорія и доктрины, только игра ума, только праздная забава досужихъ мечтателей, нѣчто чуждое жизни и поэтому всегда невинное?

Такъ смотритъ западъ на убѣжденія и вѣрованія своихъ мыслителей. До разговора съ ними по существу, онъ уже не вѣритъ ихъ искренности и серьезности. Онъ равнодушенъ ко всякимъ вѣтрамъ ученія, не боится сквозняковъ, ибо въ храмахъ своей философіи и мнимой науки онъ не живетъ, а занятъ реальными интересами реальной жизни, отъ которыхъ до красивой теоріи въ три года не доскачешь.

На почвѣ раціонализма развивается презрѣніе къ мышленію и презрѣніе къ слову, ибо это вѣра безъ дѣлъ, т.-е. просто чесаніе языка.

Уже давно западъ сталъ привыкать къ мысли, что спасаетъ не вѣра, а разумъ. Но у Европы накопилось достаточно историческаго опыта, чтобы откровенно сознаться, что разумъ не спасаетъ, что внѣ вѣры это начало вноситъ въ жизнь много зла и неправды. Уже давно разумный человѣкъ, обижая другого, не чувствуетъ ни жалости, ни стыда. Разумный человѣкъ стыдится только глупости, а не жестокости или обмана. Умный обманъ

гордость умнаго человѣка, дѣло, достойное завистливой похвалы со стороны другихъ умныхъ людей

Только за послѣднее время о дѣлахъ этого рода стали говорить прямо и открыто. Прежде какъ-то стыдились и иногда называли даже „нелѣпостью“ то, что было разумнымъ по существу, но только противорѣчило законамъ любви и справедливости. Нелѣпость — понятіе только логическаго порядка и не имѣетъ никакого отношенія къ дѣламъ совѣсти и чести.

Въ этомъ смѣшеніи понятій мы имѣемъ пережитокъ стараго вѣрованія, вѣрованія для запада не этого тысячелѣтія, что законъ истинно разумной жизни не только законъ логики, но и законъ той высшей правды, который основывается не на одномъ только разумѣ, но и на вѣрѣ и на любви.

Западъ еще не кончилъ своей работы. Внизу, въ трудящихся слояхъ населенія, иногда въ видѣ смутнаго инстинкта, живутъ болѣе человѣчныя и менѣе разрушительныя вѣрованія, наслѣдство далекихъ вѣковъ и другой, болѣе дружной жизни. Но западъ неутомимъ и никогда не остановится на своей дорогѣ. Онъ будетъ разрушать до конца, потому что разумъ на дѣлѣ съ ядовитою критикою разрушаетъ всякую постройку, а въ теоріи по части архитектуры обнаруживаетъ такое пламенное воображеніе, что для его строительныхъ плановъ всѣ земные чертежи и матеріалы никуда не годятся.

Разумъ, ломая всякую, даже ненадломленную трость, разрывая всякія, даже не надорванныя узы, — пытается увѣрить всѣхъ, что онъ одержимъ строительною горячкою, что пока онъ только расчищаетъ мѣсто для постройки и, если ему это удастся, онъ построитъ по меньшей мѣрѣ вавилонскую башню — обязательно до небесъ — ради должнаго смѣшенія языковъ, которое уже и началось на интеллигентныхъ вершинахъ.

Но почему же онъ ничего не построилъ устойчиваго и жизненнаго на протяженіи десяти вѣковъ? Трудно вѣрить выдающимся способностямъ того архитектора, который еще никогда и ничего не строилъ, а только разрушалъ.

Ложь эту начали чувствовать и на западѣ. Тамъ наука перестаетъ быть фетишемъ. Тамъ знаютъ границу между настоящей наукой и той, правда очень популярной, рыночной торговкой, которая подъ флагомъ науки сбываетъ гниль и заваль интеллигентнымъ простоватымъ и грубоватымъ босякамъ.

Ложь, какъ принципіальное и вполнѣ сознательное раздвоеніе слова и дѣла, съ годами растетъ, какъ снѣжный комъ, скатывающійся по оврагу. Кто началъ лгать, тому уже не остановиться. Кто отдѣлилъ вѣру отъ добрыхъ дѣлъ, тотъ добрыхъ дѣлъ дѣлать не будетъ, довольствуясь вѣрою, т.-е. теоріею, и выдумаетъ такую вѣру, при невѣрномъ и фантастическомъ освѣщеніи которой злыя дѣла для людей близорукихъ и порочныхъ могутъ казаться добрыми.

Эти итоги „стихійной общественной эволюціи“ запада, какъ любятъ говорить теперь, можетъ быть, особенно замѣтны въ наши дни, когда ученые и образованные люди, по ихъ собственнымъ признаніямъ, особенно чутки къ пережиткамъ животнаго эпоса, проснувшимся въ ихъ умѣ и сердцѣ, когда они, по слову мнимой науки, глубоко чувствуютъ свою наслѣдственную близость къ царству животныхъ.

Здѣсь, конечно, они дѣлаютъ грубый промахъ: у звѣрей нѣтъ раздвоенія между вѣрою и дѣломъ и они не лгутъ.

Было бы ошибочно смотрѣть на современныя настроенія и вѣянія только какъ на случайное и временное одичаніе общества, какъ на своевольное и мятежное проявленіе злыхъ и порочныхъ страстей, ослѣпившихъ совѣсть и омрачившихъ разумъ. Нѣтъ, это простой и неизбѣжный выводъ изъ тѣхъ посылокъ, которыя положилъ въ основу своего замысловатаго и хитраго силлогизма умный западъ на зарѣ своего языческаго возрожденія. Жнутъ то, что сѣяли, а когда сѣяли, не совсѣмъ знали, что̀ именно будутъ жать...

XV.

Русская церковь за послѣдніе два вѣка ушла въ себя и въ постоянной тревогѣ берегла свое вѣковое достояніе.

Случилось то, что въ западныхъ государствахъ бывало только послѣ чужеземнаго завоеванія. Верхніе слои населенія, по почину иноземцевъ и по ихъ вѣрѣ, мечемъ и огнемъ стали истреблять языческія суевѣрія и предразсудки. Православіе осталось вѣрою только духовенства и простого народа. Русскую интеллигенцію за эти два вѣка спасалъ разумъ,—даже съ меньшимъ успѣхомъ, чѣмъ онъ спасалъ западъ.

Пропала всякая вѣра, не было даже вѣры въ разумъ, ибо и это было новое, малопонятное слово. При несомнѣнной необразованности и барской безпечности правящихъ и высшихъ классовъ, осталась только вѣра въ западъ. Западъ спасалъ наши души, ибо у запада есть разумъ, а у насъ его нѣтъ.

Мѣсто непогрѣшимаго папы и непогрѣшимаго разума занялъ новый фетишъ—непогрѣшимый западъ.

Церковь затаилась, ибо гоненіе на нее было безпощаднымъ и шло на всей линіи. Въ первой половинѣ XVIII в. архіереи-черкасы подготовили дорогу для Бирона и увѣренно шли по пути реформы. При Биронѣ въ православіи видѣли опасную политическую „факцію“. Были даже попытки совсѣмъ устранить „внѣшнюю церковь“ и замѣнить ее бреднями хлыстовъ и мистиковъ.

Вопросы церковной жизни въ глазахъ правительства и въ мнѣніи общества стояли подъ рубрикою суевѣрій и предразсудковъ.

Нашимъ раскольникамъ гоненіе на христіанство повременамъ напоминало времена Нерона и Діоклетіана.

Церковь замолкла, ибо вынужденъ былъ замолчать весь церковный народъ...

Но церковь жила и за два эти вѣка, каковы бы иногда ни были ея представители на высшихъ ступеняхъ священства. Да и не они одни у насъ составляютъ церковь. Она сохранила чистоту догматическаго ученія и берегла въ памяти завѣтныя основы церковной жизни. Въ ней не иссякли источники вѣры, любви и молитвы. И за это время въ ней подвизались—святые.

Интеллигенція, конечно, игнорировала и игнорируетъ русскихъ святыхъ, какъ игнорировала и игнорируетъ русскій народъ. Но „игнорировать“,—этотъ испытанный и очень удачный пріемъ въ газетной и журнальной полемикѣ,—въ той неустанной борьбѣ съ народомъ, которую ведетъ наша интеллигенція, это пріемъ ненадежный и безразсудный: надо знать силы противника, надо знать, что̀ написано на его знаменахъ.

Хотя русская интеллигенція всегда игнорировала русскихъ святыхъ, она всегда отлично знала, что святые—ея непримиримые враги, что отъ нихъ она никогда не добьется ни покорности, ни благословенія. Этимъ, понятно, только и можно объяснить тотъ—иногда боязливый, иногда безумно дерзкій—протестъ, который въ рядахъ нашихъ интеллигентныхъ западниковъ прорывается въ дни церковныхъ торжествъ. Если бы интеллигенція не боялась народа, который не потерпитъ глумленія надъ его вѣрою, она бы не ограничилась однимъ игнорированіемъ святыхъ.

Но это только временная осторожность, это только ожиданіе удобнаго момента. Въ этомъ отношеніи она не

знала, не знаетъ и не будетъ знать снисхожденія и пощады и будетъ, по примѣру запада, до конца бороться съ церковью. Она вѣритъ, что ей удастся побѣдить и разрушить церковь...

Какую же вѣру могутъ поставить наши святые противъ этой вѣры умнаго запада?

XVI.

I. Спасаетъ не разумъ, а вѣра. Конечно, спасаетъ душу человѣка, а не тѣло, потому что спасать тѣло—искусство разума. Разумъ не можетъ спасать душу, потому что онъ сомнѣвается въ самомъ существованіи души. Въ существованіи тѣла онъ не сомнѣвается и, какъ умѣетъ, его спасаетъ, но только не отъ смерти, отъ которой пока онъ еще не могъ спасти ни одного, даже западнаго тѣла.

Разумъ, отвергая вѣру, далъ много обѣщаній и сулилъ даже всевѣдѣніе. Самыя существенныя изъ этихъ обѣщаній не исполнены. Даже непогрѣшимый западъ всевѣдѣніемъ, если мы не ошибаемся, еще не обладаетъ. Правда, онъ много знаетъ, но тѣмъ поверхностнымъ и скользкимъ знаніемъ, которое Кантъ называлъ многознайствомъ, всегда неложнымъ признакомъ высокомѣрія и ограниченности.

Разумъ полагаетъ, что сущность истины—въ логическихъ и теоретическихъ формулахъ. Онъ вѣритъ, что настанетъ день, когда на экранѣ науки вспыхнетъ великій магическій иксъ, который каждому дастъ ключь къ превышнимъ таинствамъ натуры.

Но если бы ему удалось когда-нибудь понять механизмъ жизни, т.-е. разгадать всѣ свои загадки, онъ, обозрѣвая всю цѣпь причинъ и дѣйствій на всемъ ея протяженіи отъ перваго звена до послѣдняго, все-таки

не могъ бы на школьной доскѣ демонстрировать смыслъ жизни, ибо смыслъ жизни человѣка—въ его практической дѣятельности, въ его отношеніи къ другимъ людямъ, въ его любви и свободѣ, а не въ рабствѣ законамъ матеріи. Не наукѣ и не разуму дано проникнуть въ тайны нравственной жизни. Эти тайны даны въ откровеніи только чистому и доброму уму и сердцу, подъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы правда совѣсти никогда не отдѣлялась отъ дѣла, чтобы дѣло не противорѣчило слову и вѣрѣ.

Вѣра учитъ тому, какъ надо *жить*, а не тому, что̀ надо *думать* о жизни. Вѣра нужна для жизни, а не для теоріи. Это начало практическое, дѣятельное и живое и поэтому она ничѣмъ незамѣнима, ибо разумъ до сихъ поръ не знаетъ, чему онъ могъ бы научить человѣка въ дѣлѣ общенія съ другими людьми.

Разумъ по самой своей сущности разъединяетъ и обособляетъ людей, вѣра соединяетъ ихъ и роднитъ. Разумъ хочетъ осчастливить каждаго отдѣльно, вѣра хочетъ спасти всѣхъ въ любовномъ единеніи. Вниманіе разума приковано къ единицѣ, вѣра видитъ общее благо всей церкви. Разумъ рабски прикованъ къ настоящему, вѣра полна думъ и заботъ о будущемъ и прошедшемъ. Отсюда ея заботы о прежде отшедшихъ отцахъ и братьяхъ, желаніе молитвою помочь имъ въ ихъ возносительномъ движеніи къ Первообразу святости и совершенства,—отсюда ея думы о грядущихъ поколѣніяхъ, что дѣлаетъ ее еще болѣе сдержанною и осторожною къ дѣламъ настоящаго, отъ котораго зависитъ благо дѣтей и внуковъ.

Разумъ разгоняетъ людей, вѣра ихъ собираетъ. Разумъ враждебенъ общенію, вѣра жаждетъ единства, но единства на почвѣ любви, свободы и единомыслія.

И безъ вѣры люди жить не могутъ, хотя имъ иногда и кажется, что они живутъ безъ вѣры. Такіе люди на западѣ вѣруютъ въ разумъ, а у насъ въ Россіи—въ западъ. Но и на западѣ теоріи и доктрины признаются не потому, чтобы онѣ были дѣйствительно доказанными,—тогда онѣ перестали бы быть теоріями,—но берутъ ихъ на вѣру и этимъ впадаютъ въ темный грѣхъ обскурантизма, ибо научныя доказательства и логическую сознательность замѣняютъ слѣпою вѣрою. Тамъ, гдѣ разумъ дѣйствуетъ въ своихъ законныхъ и естественныхъ границахъ, для вѣры нѣтъ мѣста. Если же тамъ является вѣра, значитъ тамъ разумъ или слабъ и безсиленъ, или мертвъ. Это всегда признакъ того, что какую-то ложь хотятъ провозгласить такою же общеобязательною, какъ общеобязательны выводы точной науки. Въ вопросахъ о нравственныхъ основахъ взаимнаго общенія людей между собою разумъ не имѣетъ голоса, потому что вноситъ въ эту область начало противообщественное.

Правда, разумъ иногда дѣлаетъ попытки попробовать свои силы и въ построеніяхъ нравственнаго порядка. Но здѣсь часто оказывается, что люди—плохой матеріалъ для его возвышенныхъ мечтаній. Людей надо измѣнить, возродить, даже переродить, чтобы они могли удовлетворить требованіямъ капризнаго и взыскательнаго разума. Для этого нужна совершенно новая порода людей и легкомысленные „передовые умы“ убѣждены, что это дѣло пустое и люди могутъ переродиться когда угодно и какъ угодно.

Это, конечно, неопровержимое доказательство полнаго безсилія разума. Здѣсь онъ впадаетъ въ самую легкомысленную и постыдную мечтательность. Онъ не для земли, если можетъ давать совѣты въ практической области только въ томъ случаѣ, когда измѣнятся условія земного существованія.

Вѣра для всѣхъ, а не только для ученыхъ. Она захватываетъ все существо человѣка, всѣ его помыслы, всѣ его чувства и рѣшенія и подъ ея вліяніемъ человѣкъ растетъ и крѣпнетъ въ жизни духа, борется съ

темными инстинктами животной природы и, не превращаясь въ какую-то нелѣпую новую породу, въ первый разъ становится человѣкомъ воистину.

На счетахъ разума животныя влеченія важнѣе и реальнѣе духовныхъ стремленій и въ своихъ зоологическихъ проектахъ усиленное развитіе духовной стороны человѣка онъ считаетъ односторонностью, крайностью, чѣмъ-то такимъ, что̀ нарушаетъ гармонію животнаго организма. Поэтому онъ и не можетъ воспитывать людей въ духѣ добра, любви и правды.

Только въ живой, въ каждомъ моментѣ сознательной и мирной жизни церковнаго народа, гдѣ вѣра на незыблемой основѣ поставила чистѣйшіе и благороднѣйшіе идеалы святой и праведной жизни, человѣкъ дѣйствительно становится человѣкомъ и, побѣждая настойчиво и постоянно въ себѣ звѣря, раскрываетъ въ своихъ помыслахъ и въ своей жизни всю полноту человѣческаго духа.

Здѣсь вѣра творитъ воистину чудеса, — чудеса для разума, который не знаетъ, какъ и чѣмъ согрѣть зерно духа въ порочномъ и одичавшемъ сердцѣ. Вооружась доктриною о непобѣдимой наслѣдственности порочности и преступности, онъ не вѣритъ живому человѣку, считаетъ его бездушнымъ и безсильнымъ автоматомъ, въ которомъ надо перемѣнить всѣ пружины, чтобы онъ могъ сдѣлать что-либо путное.

Но подъ вліяніемъ вѣры человѣкъ,—отъ котораго такъ постыдно отступился разумъ, отступилась наука и гражданская власть,—весь загорается новымъ огнемъ и часто изъ злодѣя и преступника становится образцомъ одухотворенной и высоко настроенной жизни, иногда жизни праведной и даже святой.

И тамъ, гдѣ вѣра проникаетъ жизнь всей общины, гораздо чаще исцѣляются тягчайшіе недуги совѣсти и крѣпнутъ самые слабые ростки любви и правды.

Разумъ — аристократиченъ: онъ всегда для немногихъ. Толпа, „стадо“, всегда ниже его. Онъ презираетъ эту толпу, этихъ илотовъ духа, и полагаетъ, что сознательная жизнь для нихъ невозможна.

Вѣра будитъ каждаго человѣка, даетъ ему полную сознательностъ и въ области духа каждому открываетъ дорогу къ вершинамъ нравственности и мудрости.

Разумъ, какъ только онъ начинаетъ сознавать себя, наполняется сознаніемъ своего умственнаго превосходства и единственное чувство, которое возможно при этомъ настроеніи по отношенію къ тѣмъ, кто стоитъ ниже, это—презрѣніе. И наша интеллигенція презираетъ народъ за его вѣру и уже поэтому любить его не можетъ, ибо презрѣніе и любовь несовмѣстимы.

Только въ вѣрѣ открывается возможность равенства всѣхъ передъ Господомъ, свободы духа и чистой свободы совѣсти.

XVII.

П. Церковь не знаетъ рабства духа, не признаетъ непогрѣшимыхъ должностей, городовъ, каѳедръ и философовъ. Ни одинъ человѣкъ не огражденъ отъ возможности ошибки и только всѣ члены церкви въ ихъ любовномъ единеніи, при зоркомъ вниманіи къ дѣлу, при свободномъ, но строгомъ испытаніи совѣсти могутъ уберечь свое исповѣданіе отъ ошибки.

Не все ли равно, кто первый сказалъ правду? Важно только то, что церковь эту правду признала своею правдою и положила ее въ основу своей жизни. Она признаетъ правдою только то, что̀ отвѣчаетъ ея духу, ея вѣрѣ, ея преданіямъ, и только ея признаніе даетъ частному мнѣнію авторитетъ непогрѣшимости. Гордость личнаго творчества, гордость авторства—теряетъ подъ со-

бою почву, ибо каждый членъ церкви, при полной свободѣ изслѣдованія и критики, провѣряетъ новую догму и ея основанія и беретъ только то и такъ, что̀ вполнѣ отвѣчаетъ его личной совѣсти. Въ виду этого здѣсь ни одинъ мыслитель не можетъ снискать себѣ языческій ореолъ внѣшняго авторитета, который будто бы всегда и во всемъ говоритъ правду и никогда не ошибается.

Рабъ по духу, добровольно покорный чужой волѣ и чужой совѣсти, не можетъ быть истиннымъ членомъ церкви, потому что онъ всегда ищетъ случая и повода, чтобы избавиться отъ отвѣтственности. Въ истинной церкви полнота свободы, ибо на каждаго изъ ея членовъ возложена отвѣтственность за чистоту исповѣданія и за чистоту церковной жизни.

Только рабы понимаютъ свободу, какъ безотвѣтственность и праздность. Великій подвигъ свободы труденъ и слишкомъ часто требуетъ усиленной напряженности всей умственной и нравственной силы для строгаго испытанія своей совѣсти, чтобы полученное рѣшеніе не осталось только въ головѣ, а стало правиломъ жизни.

Рабъ говоритъ отъ имени хозяина, учителя, книги. Свободный человѣкъ говоритъ только отъ имени своей свободной совѣсти и не ищетъ невмѣняемости въ якобы растлѣвающемъ вліяніи среды. Это старый софизмъ запада, и потому, конечно, и нашей интеллигенціи. Что значитъ эта защита грѣшника или преступника вліяніемъ среды?

Церковь говоритъ, что каждый падаетъ одиноко и по своей винѣ, а спастись можетъ только въ общеніи съ церковью. Западъ говоритъ, что каждый спасается одиноко, а падаетъ вмѣстѣ съ обществомъ. Но вѣдь это значитъ, что нравственное паденіе „среды“, т.-е. общества признается явленіемъ нормальнымъ и что съ каждымъ годомъ прогрессируетъ порочность и преступность, которыя стоятъ внѣ вмѣненія, ибо въ нихъ виновата

„среда“. Вѣдь это прямое признаніе въ томъ, что въ „средѣ“, т.-е. въ обществѣ, правды нѣтъ, что оно *не знаетъ* правды, передъ которою долженъ склониться каждый членъ общества. Вѣдь это мораль рабовъ, которые живутъ только „какъ всѣ“, т.-е. въ мѣру общей порочности общества, и проклинаютъ свободу, которая дѣлала бы ихъ отвѣтственными за ихъ поступки.

„Среда“ для рабовъ духомъ въ наши дни почти такой же загадочный и мертвый фетишъ, какъ и наука, потому что это среда рабовъ, „стихійно“ увлекаемыхъ любымъ вѣтромъ ученія.

Рабъ, даже атлетъ, не господинъ своей силы, потому что онъ не знаетъ, куда ее примѣнить; силенъ только свободный человѣкъ, потому что онъ не прячется за чужой спиной и беретъ на себя всю отвѣтственность за свое дѣло.

Подвигъ свободы требуетъ полной сознательности, личной вдумчивости и постоянной осторожности, ибо всякое наше дѣло имѣетъ тѣ или другія послѣдствія для другихъ и больше всего надо беречься, чтобы своимъ дѣломъ не причинить какого-либо зла другимъ. Рабъ думаетъ только о себѣ и поэтому на свободѣ золъ и жестокъ.

Дремлющая совѣсть слабыхъ и немощныхъ людей, быть можетъ, чувствовала бы себя лучше, если бы кто-нибудь, сильный,—какъ на западѣ папы и клиръ,—снялъ бы съ его хилыхъ плечъ эту свободу, эту отвѣтственность, ибо свобода совѣсти—тяжелое и неудобоносимое бремя. Западные клирики гордятся тѣмъ, что свободу совѣсти мірянина они взяли на себя, что они будутъ отвѣчать передъ Богомъ за жалкихъ рабовъ духа, что ихъ деспотизмъ дѣло милости и снисхожденія. Но поднять на себя грѣхи міра не подъ силу и имъ. Одинъ могъ сдѣлать это и пытаться подражать Ему — кощунство. Агнецъ, который взялъ на Себя грѣхи міра, за-

повѣдалъ своимъ послѣдователямъ постоянный подвигъ этой свободы, чтобы жизнь каждаго въ каждомъ поступкѣ была глубоко обдуманною, до конца сознательною и черезъ это возможно праведною.

И на западѣ былъ одинъ мыслитель, который яркимъ свѣтомъ озарилъ эту сторону моральнаго долга. Онъ не былъ православнымъ, но вдумчивость и геніальность подсказали ему почти православную формулу заповѣди нравственной жизни въ духѣ истинной церкви.

Я имѣю въ виду Канта. Западъ, раскольникъ отъ римской колыбели, раскололъ Канта и взялъ только одну его часть. Онъ превознесъ до небесъ „Критику чистаго разума“ и презрительно отнесся къ „Критикѣ практическаго разума“. Это будто бы деревянное ружье, изъ котораго стрѣлять нельзя. Но Кантъ безъ „Критики практическаго разума“ не Кантъ, потому что послѣдніе, для запада дѣйствительно неожиданные выводы даны именно въ этой книгѣ.

Вотъ формула категорическаго императива:

„Поступай всегда такъ, чтобы каждое твое рѣшеніе могло стать источникомъ законодательства для всего человѣчества“.

Среди рабовъ странно звучитъ эта заповѣдь свободы, по самому существу своему неотдѣлимой отъ чувства долга!

Рабъ думаетъ только о своей цѣпи и о своей свободѣ,—а ему предлагаютъ думать о всемъ человѣчествѣ! Его сердце узко и тѣсно, какъ его тюрьма, хотя онъ рабъ добровольный и самъ по своему вкусу построилъ себѣ эту тюрьму.

Раздвинуть узкія рамки одинокаго и трусливаго существованія, полюбить всѣхъ братьевъ о Христѣ—и отошедшихъ къ праотцамъ, и живыхъ, и ожидающихъ жизни,—чувствовать каждое біеніе общей жизни и отзываться на него въ полноту сердца и въ полноту разума, всегда сознавать себя сыномъ свободы, который спасеніемъ своей души отвѣчаетъ за общее дѣло, ибо онъ погибнетъ, если выпадетъ, какъ мертвый камень, изъ царства духа, какъ только испугается своей совѣсти, какъ только откажется отъ мужественнаго исповѣданія своей правды — вотъ идеалъ истинно-христіанской правды.

Выше этого идеала нѣтъ и не было на землѣ. То, что западъ въ разныя эпохи хотѣлъ поставить на этомъ мѣстѣ, всегда было или ложью, или грѣхомъ.

„Идѣ же Духъ Божій, ту и свобода“. Но Духъ Божій живетъ только въ церкви, гдѣ чуткость совѣсти и предвидѣніе правды не омрачены изысканными и причудливыми измышленіями языческаго раціонализма, гдѣ нѣтъ рабства передъ епископской митрой, университетской каѳедрой и модной книгой, гдѣ каждый испытываетъ чужое слово на показаніяхъ своей свободной совѣсти.

„Духъ, идѣ же хощетъ, вѣетъ“. Гдѣ хочетъ, — не только въ Римѣ, не только на съѣздѣ протестантскихъ пасторовъ, не только въ аудиторіи университета, не только въ томъ или другомъ періодическомъ изданіи. Онъ вѣетъ въ далекой и забытой деревнѣ, гдѣ простое сердце часто лучше и яснѣе видитъ простую правду жизни въ духѣ любви и свободы, онъ вѣетъ и среди тѣхъ сирыхъ и убогихъ, которымъ нѣтъ мѣста на пиру жизни, говоритъ устами юродивыхъ, которыхъ презираетъ дешевый разумъ самодовольныхъ людей, съумѣвшихъ заглушить въ себѣ чистый, иногда скорбный, но всегда полный любви голосъ совѣсти.

Тамъ, гдѣ не все полно духа и свободы, нѣтъ христіанской жизни. Тамъ, гдѣ эгоистическій и равнодушный разумъ отнимаетъ отъ народа Бога, торжествуютъ худшіе инстинкты духовнаго рабства, нравственнаго одичанія и безстыдной извращенности мышленія. Тамъ, гдѣ

свобода совѣсти и духъ любви даютъ живую основу жизни, нѣтъ рабской безотвѣтственности и рабской невмѣняемости.

XVIII.

III. Протестъ ради протеста, мятежъ ради мятежа, борьба ради борьбы— написаны на знаменахъ запада ловкими и опытными мастерами этого дѣла. Сколько умныхъ книгъ, полныхъ почти неподдѣльнаго паѳоса, на первый взглядъ холодной и строгой логики, изысканной казуистики и блестящихъ софизмовъ, далъ западъ, чтобы оправдать право мятежа въ любой области жизни! Близорукимъ людямъ могло казаться, что это смѣлый голосъ истинной свободы, въ первый разъ показавшей міру свой божественный ликъ. Могло показаться, что только рабы, испытавшіе на себѣ всю низость и грязь рабства, владѣютъ всѣми тайнами языка свободы.

Но рабовъ надо вѣками воспитывать въ духѣ свободы, чтобы они стали сынами свободы, смѣло и мужественно подняли на свои плечи всю отвѣтственность за полноту своей свободы и не забыли братской любви къ тѣмъ, съ кѣмъ они дѣлятъ завѣты вѣры и великихъ упованій.

Мятежные рабы ищутъ амнистіи, а не свободы,— ищутъ безотвѣтственности и ненаказуемости, а не торжества истины. Эти протестующіе рабы хотятъ порвать всѣ общественныя узы, всѣ формы общенія, чтобы зажить звѣринымъ обычаемъ, чтобы человѣкъ для человѣка сталъ волкомъ. Это они называютъ современною теоріею прогресса и только въ разнузданности и ненаказуемости животныхъ страстей видятъ истинное торжество свободы.

Свободными они могутъ быть только въ одиночку.

Даже въ родной семьѣ они видятъ оскорбительное рабство и ищутъ рабской свободы—въ первобытномъ лѣсу, съ тяжелой дубиной въ рукахъ. Они знаютъ, что тамъ, гдѣ сойдутся два раба, одинъ изъ нихъ станетъ господиномъ. А это, конечно, завѣтная тайна рабскаго духа.

То не свобода, о чемъ такъ давно и такъ гордо мечтаетъ умный западъ. Это стремленіе дать полный просторъ животному эгоизму людей.

Это рабскія мечты о рабской свободѣ. Свободы ищутъ всегда *отъ чего-нибудь*, а не *для чего-нибудь*. Рабская свобода ищетъ безотвѣтственности и ненаказуемости, бѣжитъ отъ труда и заботы, отъ совѣсти и нравственнаго долга. Само слово „свобода“ для нея полно только отрицательнаго содержанія, въ ней нѣтъ идеала служенія, нѣтъ программы дѣятельности.

Когда свободный и достойный свободы человѣкъ требуетъ себѣ свободы въ той или другой области, онъ всегда въ совершенствѣ знаетъ, для чего нужна ему эта свобода. Онъ всѣмъ покажетъ тотъ свѣтлый и чистый идеалъ, которому онъ хочетъ служить свободно, не встрѣчая на своей дорогѣ помѣхи со стороны какихъ-либо внѣшнихъ и поэтому бездушныхъ и только формальныхъ авторитетовъ,—служить на свой личный страхъ и въ полноту своей отвѣтственности.

Онъ имѣетъ полное право требовать себѣ этой свободы, потому что онъ хочетъ служить великому дѣлу, скрывать которое отъ другихъ онъ не будетъ. Требуя свободы, онъ требуетъ отъ своихъ братьевъ довѣрія къ себѣ, въ увѣренности, что онъ оправдаетъ это довѣріе.

Для великихъ дѣлъ служенія совѣсти и общему благу—шаблоновъ нѣтъ. Это область постояннаго и неизсякаемаго творчества. Дороги, которыя одинъ разъ привели къ намѣченной цѣли, при измѣнившихся условіяхъ въ другомъ случаѣ могутъ оказаться невѣрными. Свобода именно и нужна для творчества.

И эта свобода въ полной мѣрѣ дается каждому члену церкви въ полной увѣренности, что онъ, братъ по любви и по вѣрѣ, не злоупотребитъ этою свободою, не обидитъ слабыхъ и довѣрчивыхъ, никому не причинитъ зла и неправды, ибо единственная цѣль свободнаго духа—правда для всѣхъ и благо для всѣхъ.

Но не этой свободы домогаются рабы духа. Какъ рабы, они никогда не несли отвѣтственности за свои дѣла и мысли. Они отвѣчали за себя только передъ своими господами и имъ кажется, что свободный человѣкъ никакой отвѣтственности на себя не беретъ. Имъ непонятны тѣ заповѣди постоянной критики и постояннаго творчества, которыя составляютъ душу свободнаго человѣка.

Недавній рабъ частнаго владѣльца не колеблясь станетъ рабомъ партіи и въ ея дисциплинѣ найдетъ привычный для него кнутъ, безъ котораго не мила и непонятна для него жизнь. Онъ, огрубѣвъ въ рабствѣ, даже и не предчувствуетъ того, что партійное рабство—худшее изъ всѣхъ видовъ рабства, потому что оно сознательно отнимаетъ отъ каждаго члена партіи свободу критики, свободу совѣсти и свободу дѣятельности.

Партія—это стадо, отдавшее свою свободу пастуху, чтобы лѣниво и праздно бродить по пастбищу. Организація партіи—это организація стада, гдѣ каждая голова, какъ такая, цѣны не имѣетъ, но, при всей ея умственной и нравственной ничтожности, нужна для подсчета голосовъ.

Тамъ, гдѣ не каждый отвѣчаетъ за свою мысль и дѣло, гдѣ не каждый обязанъ думать своею головою и жить по своей совѣсти, слабые умы и трусливыя сердца входятъ въ стачку, и забывъ о благѣ всѣхъ братьевъ-людей, требуетъ своему стаду привилегій, не сознавая того, что слово привилегія — лукавое издѣліе рабскихъ рукъ, ибо рабъ и тотъ, кто имѣетъ рабовъ, т.-е. признаетъ и освящаетъ рабство.

На почвѣ этого рабства слагается и та ложь, будто бы изъ негодныхъ единицъ можетъ возникнуть здоровое и сильное цѣлое. Возникаютъ совершенно рабскіе и глубоко постыдные призраки какого-то массоваго мышленія, какого-то коллективнаго ума. И это даетъ кажущееся оправданіе каждой отдѣльной глупости. Можетъ быть, я и глупъ,—говоритъ каждое слагаемое въ этой суммѣ,—но моя глупость, сложенная съ многими другими глупостями, въ итогѣ даетъ непремѣнно коллективный умъ, а не коллективную глупость.

Такъ рабы духа слагаютъ съ себя бремя мышленія и сознательности.

Наша интеллигенція уже давно обвѣяна мятежнымъ духомъ западнаго мятежнаго рабства. Борьба за существованіе, борьба за землю, борьба за право, борьба за власть—вотъ ея заповѣди. Но въ русскихъ святыхъ она имѣетъ непримиримыхъ противниковъ. Они не за борьбу, они—за миръ. И они далеки отъ коварнаго правила коварныхъ дипломатовъ и коварныхъ стратеговъ: Si vis pacem, para bellum. Они думаютъ, что только рабскій миръ, усмиреніе, добывается войною. Это только вынужденный миръ все же мятежныхъ рабовъ, выжидающихъ минуты для мести. Безпокойныя, тревожныя и мятежныя рѣчи могутъ смолкнуть, но это еще не будетъ значить, что наступилъ миръ. Миренъ только миръ сердца.

Какъ же найти этотъ миръ сердца?

Только тотъ, кто до конца исполнилъ заповѣди любви и свободы, кто умѣлъ любить своихъ братьевъ и готовъ былъ душу свою положить за други, кто не молчалъ, когда чистотѣ вѣры и жизни грозила опасность, кто въ дѣлахъ совѣсти не прятался трусливо за чужою спиною,—только тотъноситъ миръ въ своемъ сердцѣ.

Рабъ всегда подозрителенъ и опасенъ. Онъ покоренъ и тихъ, но нѣтъ мира въ его сердцѣ, и его надо беречься, потому что ему чуждъ и ненавистенъ подвигъ свободы.

Рабство было только до Христа. Царство Христово—царство свободы. Но въ камняхъ Рима было много языческаго рабства, и Римъ вызвалъ этотъ рабскій духъ изъ великихъ развалинъ, и благословилъ его, и далъ ему власть надъ западомъ. Онъ отвернулся отъ той любви и отъ той свободы, которыя нужны, „да тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ“.

Западъ говорливъ и боится безмолвія. Западъ мятеженъ и боится тишины. Западъ золъ и мстителенъ, проповѣдуетъ протестъ и борьбу. Но онъ самъ въ глубинѣ сердца признаетъ, что правда жизни въ мирѣ, а не въ войнѣ.

Есть, конечно, своя языческая красота въ мгновенной вспышкѣ магнія, въ блуждающемъ огонькѣ, въ падающей звѣздѣ. Но не этимъ огнямъ озарить день. День свѣтелъ только солнцемъ, которое льетъ свой свѣтъ на праведныхъ и неправедныхъ.

Только при мирѣ въ сердцѣ естественно растутъ и зрѣютъ великія думы о вѣчной правдѣ, встаютъ образы святыхъ и мудрыхъ людей, дерзавшихъ безтрепетно смотрѣть въ очи истины, и просыпаются всѣ дремавшія дотолѣ творческія и созерцательныя силы зоркаго и пытливаго духа.

Призракъ вѣчной борьбы будитъ въ человѣкѣ тревожное безпокойство, отдаетъ его во власть мимолетныхъ чувствъ и настроеній и лишаетъ возможности подумать, чѣмъ онъ живетъ, для чего онъ живетъ и хорошо ли онъ живетъ. Безъ злобы не бываетъ борьбы, а духъ злобы, приковывая мысль и сердце человѣка исключительно къ личности его врага, скрываетъ отъ омраченной совѣсти всю жизнь церкви во всей ея сложности и въ ея единствѣ, въ ея временныхъ и вѣчныхъ опредѣленіяхъ, въ приливахъ и отливахъ вдохновенія отъ духа любви и правды.

XIX.

IV. Съ строгою логическою послѣдовательностью и необходимостью изъ этихъ жизненныхъ и теоретическихъ посылокъ западъ сдѣлалъ тотъ выводъ, что слово далеко отъ дѣла, что вѣра и внѣ добрыхъ дѣлъ имѣетъ полную цѣну.

Разладъ между словомъ и дѣломъ красной нитью прошелъ черезъ всю исторію запада и вотъ уже два вѣка мѣняетъ формы и виды надъ затихшею жизнью русскаго народа.

Это общій выводъ изъ лживыхъ основъ рабской жизни.

Рабы лукавы и лицемѣрны. Нельзя вѣрить ихъ слову: они часто лгутъ. Ихъ слово—легко, и словъ у нихъ много. Они готовы воспользоваться всякимъ словомъ, чтобы обмануть господина и уйти отъ отвѣтственности. И тотъ, кто отдѣлилъ слово отъ жизни, вѣру отъ добрыхъ дѣлъ, имѣлъ въ виду свободныхъ людей обратить въ рабовъ.

Обманщикомъ и лицемѣромъ называютъ того, кто говоритъ одно, а дѣлаетъ другое. Но вѣковое рабство духа до поразительной высоты подняло искусство обманывать и притворяться.

Когда-то Биронъ жаловался, что въ его время появилось слишкомъ много проектовъ и проектистовъ. Теперь этихъ проектовъ и проектистовъ еще больше. Они хотятъ обновить міръ и переродить человѣчество.

Но живутъ ли сами они по вѣрѣ своей?

Большинство изъ нихъ—и не безъ основаній—дадутъ отвѣтъ, что не живутъ и жить не могутъ, потому что вѣра ихъ разсчитана только на очень далекое будущее и необходимо многое передѣлать и перемѣнить въ самой природѣ человѣка, чтобы явилась возможность примѣнять ихъ вѣру на дѣлѣ.

Но чѣмъ же они докажутъ, что природа человѣка измѣнится именно такъ, какъ имъ хочется думать? А если она не измѣнится? Или если она измѣнится не такъ, какъ они предполагаютъ?

И на что нужна вѣра, если она не можетъ найти для себя приложенія въ жизни? Да и вѣра ли это? Вѣра при сознаніи невозможности ея осуществленія—не есть ли праздная, досужая и произвольная мечта, мелькнувшая въ легкомысленномъ умѣ, безнадежно отрѣшенномъ отъ жизни? Или можно мечтами замѣнить жизнь?

Пусть это дѣлаютъ плохіе поэты, которые не изъ жизни черпаютъ свое вдохновеніе. Мѣняется ли жизнь, когда мѣняются теоріи?

Очевидно, что западъ вынужденъ гордиться красотою своей рѣчи и мысли только для того, чтобы не стыдиться за свою жизнь, въ которой ни красоты, ни стройности нѣтъ. Красивыя фразы повисли въ воздухѣ и, какъ занавѣсъ въ балаганѣ, скрыли отъ глазъ легковѣрной рабской толпы неприглядную дѣйствительность.

Рабы легковѣрны и особенно охотно вѣрятъ тому, что всегда можно жить на чужой счетъ и что только въ этомъ лучшее благо свободы.

Мысль давно и на всемъ протяженіи оторвалась отъ жизни и, какъ нѣчто самодовлѣющее, въ самой себѣ ищетъ оправданія.

Онъ блестяще мыслилъ и плохо жилъ—злая эпитафія надъ могилою западныхъ и русскихъ интеллигентовъ.

По примѣру запада и наша интеллигенція отъ жизни ушла въ теорію. Она гордится своими новыми словами. Ей кажется, что эти слова звучны и красивы. По суду ея совѣсти, она достойна удивленія и уваженія, когда она говоритъ эти хорошія слова и за новый подборъ словъ считаетъ себя новою породою людей.

А что если ей скажутъ: покажи мнѣ дѣла твои, чтобы я могъ видѣть вѣру твою? Она по-дѣтски покажетъ только свой языкъ, потому что ничего другого показать не можетъ.

Когда отъ этихъ язычниковъ мы обратимся къ святымъ, отъ словъ и теорій мы перейдемъ къ „житіямъ“. Здѣсь житіе часто единственный свидѣтель вѣры.

Только отъ немногихъ святыхъ остались учительные труды и не въ однихъ этихъ учительныхъ трудахъ святость тѣхъ, кому былъ данъ даръ ученія. Чаще всего люди праведной жизни больше всего искали безмолвія и уединенія. Они свято *жили* и часто только по святости ихъ жизни можно судить о чистотѣ и святости ихъ помысловъ. Въ дѣлахъ ихъ мы видимъ ихъ вѣру и по дѣламъ ихъ увѣренно заключаемъ, что съ ихъ языка никогда не сходило слово неправды.

Они учили, какъ можно и какъ надо жить человѣку подъ этимъ не новымъ небомъ, среди людей, которые не представляютъ изъ себя новой породы, въ „средѣ“, вліяніе которой ни на минуту не возбудило у нихъ сомнѣнія въ личной отвѣтственности и вмѣняемости.

Это идеалъ высокой и трудной жизни,—подвигъ воистину. Но это не заоблачный идеалъ, не что-либо мечтательное и неосуществимое. Такъ можно жить, потому что такъ жили святые. И такъ можно жить не только епископу, сановнику, ученому профессору или богослову, но всякому человѣку, какъ бы простъ и бѣденъ онъ ни былъ.

И бѣдняку даже легче жить по образу святыхъ, ибо, какъ сказано, трудно богатому войти въ царствіе Божіе.

Дорога не закрыта ни для кого. Кто ревнуетъ о Божьей правдѣ и о спасеніи души, пусть явитъ дѣла, достойныя милости и покаянія.

Въ царствѣ любви и свободы—*всѣ* свободны...

XX.

„Двѣ правды“,—сказали бы въ наше время, когда—исключительно ради возможности борьбы—во всемъ хотятъ видѣть непремѣнно двѣ правды.

Но это не вѣрно. Если ихъ двѣ, одна, несомнѣнно, лишняя, потому что она—не правда.

Можетъ быть, два начала, ибо изъ каждаго изъ нихъ начинается рядъ противоположныхъ выводовъ и слѣдствій, несовмѣстимыхъ отъ точки раскола.

Десять вѣковъ разумъ, какъ мятежный рабъ, вырывался на волю и въ упоеніи побѣды жаждалъ новыхъ завоеваній. Съ мечемъ и книгой онъ обходилъ міръ, искореняя всѣ правды, которыя исходили не отъ него, сдѣлалъ все, что могъ,—и на порогѣ двадцатаго вѣка видитъ, что опять все надо начинать съизнова, все надо перестраивать по новому и для этого все надо снова разрушить.

Передъ сознаніемъ въ далекомъ будущемъ стоятъ вѣка и вѣка неутомимой и безпощадной борьбы, разрушенія, истребленія и расчистки почвы. Язычество еще полно силъ и мечомъ пролагаетъ дорогу для популярной, т.-е. явно несостоятельной книги.

Но свѣчи, горѣвшія надъ могилами христіанскихъ мучениковъ въ римскихъ катакомбахъ, еще не погасли. Онѣ—всѣ до одной—горятъ въ церкви, въ дни и ночи молитвъ всего церковнаго народа. Пусть въ наши дни ихъ свѣтъ не ярокъ, пусть не громокъ голосъ умиленія и молитвы, пусть иногда его совсѣмъ заглушаютъ гордые и ликующіе голоса умныхъ и самоувѣренныхъ побѣдителей,—свѣчи горятъ и до конца не погаснутъ.

Правда, мы знаемъ, что въ борьбѣ интеллигенціи съ церковью никогда не будетъ ни перемирія, ни мира. Русская интеллигенція въ землѣ искони свободныхъ по духу и совѣсти людей, воспитанная въ началахъ западнаго рабства, алчно ищетъ господства и порабощенія народа. Пока открытой силой она не можетъ, по примѣру Нерона и Діоклетіана, выжечь и вырѣзать народныя „суевѣрія и предразсудки“. Но всѣ другіе виды борьбы пущены въ ходъ. И совѣты, которые иногда идутъ съ этой стороны, часто полны рабскаго лукавства.

Западнымъ іезуитамъ изъ папистовъ, протестантовъ и невѣрующихъ уже давно хочется доказывать, что положеніе церкви внѣ договоровъ и союзовъ съ правительствами и народами—непрочно. И они не прочь предложить союзъ Рима съ русскимъ самодержцемъ. Эта языческая мечта плѣняла умъ даже такого мыслителя, какъ Влад. Соловьевъ.

„Миръ долженъ быть подписанъ,—говорилъ католическій патеръ, прежде русскій князь Гагаринъ,—потому что война не можетъ вѣчно длиться, потому что *миръ выгоденъ для всѣхъ.* Для достиженія этого нужно лишь согласіе трехъ волей. Когда сговорятся папа, *императоръ и русская церковь, представляемая ея епископами или ея Синодомъ,* кто сможетъ тогда помѣшать примиренію?“

Прямой, спокойный и увѣренный отвѣтъ далъ на этотъ лукавый и языческій вопросъ Хомяковъ.

„Кто, въ самомъ дѣлѣ? Провинціальная ли церковь востока, угнетенная исламомъ и обстрѣливаемая западомъ? Провинціальная ли церковь маленькаго королевства греческаго, которое считается за ничто въ мірѣ? Народъ ли русскій, голосъ котораго не слышенъ въ правительственныхъ вопросахъ? Кто же?—Если нужно, я скажу іезуиту, кто. Пусть русскій государь подпадетъ обольщенію (хотя это внѣ всякаго правдоподобія), пусть духовенство измѣнитъ (хотя такое предположеніе выходитъ изъ предѣловъ возможнаго),—и тогда милліоны душъ останутся

непоколебимыми въ истинѣ, милліоны рукъ поднимутъ непобѣдимую хоругвь церкви и образуютъ чинъ мирянъ. Найдутся же въ неизмѣримомъ восточномъ мірѣ по крайней мѣрѣ два или три епископа, которые не измѣнятъ Богу; они благословятъ низшіе чины, составятъ изъ себя все епископство, и церковь ничего не потеряетъ ни въ силѣ, ни въ единствѣ; она останется каѳолическою церковью, какою была и во времена апостоловъ".

Для римскихъ іезуитовъ и для русскихъ интеллигентныхъ западниковъ понятны только юридическія сдѣлки даже въ вопросахъ вѣры и совѣсти. Но начала религіознаго единенія покоятся отнюдь не на актахъ, явленныхъ и засвидѣтельствованныхъ у нотаріуса. Вѣдь нотаріусы только потому и нужны, что договаривающіяся стороны не вѣрятъ другъ другу, боятся обмана и этимъ удостовѣряютъ всю непрочность юридическихъ сдѣлокъ внѣ принудительной силы государства.

Съ нелегкой руки Бирона, наша интеллигенція видитъ въ вѣрѣ народа опасную политическую факцію и ради борьбы съ этою вѣрою окрестила ее презрительною кличкою суевѣрій и предразсудковъ. Но эта вѣра, какъ единственнная истина въ мірѣ, непобѣдима и рано или поздно интеллигенція убѣдится въ безплодности своей долгой и безпощадной языческой борьбы за дѣло неправды. Пусть вспомнятъ самыя ужасныя страницы русской исторіи, борьбу правительственной интеллигенціи съ расколомъ, рѣчи Аввакума и „гари" самосожигателей, пусть подумаютъ о томъ, что тогда жегся и страдалъ расколъ, а не вся русская церковь,—и тогда взвѣсятъ шансы и возможные плоды борьбы...

Черезъ жизнь русскихъ святыхъ, черезъ ихъ земные кодвиги, черезъ живое общеніе съ ними всего русскаго церковнаго народа послѣ ихъ кончины, черезъ признаніе ихъ святыми по совѣсти всѣхъ вѣрующихъ,—внимательному и зоркому взору открывается міръ вѣчной незыблемой правды, зиждительной любви, творческаго подвига, великихъ дѣлъ духа и свободы.

Миръ сердца и совѣсти, плодъ яснаго и глубокаго сознанія исполненнаго долга, ненужности мучительнаго раскаянія въ неправдахъ, обманахъ и насиліяхъ, увѣренности въ томъ, что дѣло жизни исполнено по Божьи, по совѣсти и по правдѣ, далеко отгонитъ нечистыхъ духовъ западнаго унынія, любоначалія и празднословія.

Въ истинной церкви нѣтъ розни между интеллигенціею и народомъ. Міряне, т.-е. весь церковный народъ, могутъ быть очень различно надѣлены дарами внѣшняго знанія и мірской мудрости. Но своего Бога они всѣ знаютъ одинаково, и передъ Нимъ всѣ они равны. И необразованный человѣкъ, по чистотѣ сердца, по чуткости совѣсти, по незлобію и правдѣ помысловъ можетъ быть гораздо, гораздо выше человѣка многоученаго, но обдѣленнаго дарами любви и вѣры.

И богатый познаніями человѣкъ, если въ его сердцѣ живъ и ясенъ голосъ совѣсти, почтитъ кротость духа и жаръ любви въ простомъ и немудромъ братѣ, который чистымъ сердцемъ постигъ тайны незыблемаго божественнаго закона.

Презирать человѣка за то, что онъ не знаетъ книгъ и теорій, но живетъ праведно, служа ближнимъ—это худшій видъ западнаго раціонализма, оторваннаго отъ жизни и поэтому деспотическаго. Это одно изъ постыднѣйшихъ проявленій рабства духа и вынужденнаго послушанія.

Только въ церкви и съ церковью мы входимъ въ царство свободы духа и братскаго единенія въ вѣрѣ.